

АЛЕКС ОРЛОВ

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ТАЙНЫЙ ДРУГ
ЕЁ ВЕЛИЧЕСТВА

Каспар Фрай

Алекс Орлов

Тайный друг ее величества

«Автор»

2007

Орлов А.

Тайный друг ее величества / А. Орлов — «Автор»,
2007 — (Каспар Фрай)

Тайны Синих лесов не дают покоя герцогу Ангулемскому, он жаждет новых артефактов и успокоится, только завладев Печатью огров из Башни Ужаса. И вот безотказный Каспар Фрай снова идет в поход, с ним его друзья, а против него извечные враги – маги, возжелавшие заполучить его жизнь и удачу. А еще заброшенный, растворяющий рассудок город огров и некто, вернувшийся из холодных глубин нижнего мира, чтобы отомстить...

© Орлов А., 2007

© Автор, 2007

Содержание

1	5
2	7
3	8
4	10
5	11
6	13
7	15
8	19
9	22
10	24
11	26
12	28
13	30
14	35
15	37
16	40
17	43
18	45
19	47
20	50
21	54
22	56
23	58
24	60
25	62
26	65
27	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Алекс Орлов

Тайный друг ее величества

1

По обычаю последних лет, после долгого домашнего обеда Каспар Фрай устраивал встречи со своими приказчиками. В летнее время он шел пешком до самой реки и там, в беседке недалеко от красильни, выслушивал отчеты работников. Те собирались в небольшом трактире, стоявшем по правую руку от южных крепостных ворот.

Гульбища и пропивание заработков в кабаках окрестные рабочие начинали ближе к ночи, а утром, чуть свет, мучаясь похмельем, они там же цедили пустой отвар. Остальное время трактир стоял почти пустой, лишь изредка привечая проезжих людей да таких, как Каспар Фрай, «чайных» заказчиков – тех, кто приходил в заведение переговорить по торговым делам и вовсе не брал вина, опасаясь по пьяной лавочке упустить свою выгоду.

В этот раз приказчики Фрая, как и положено хорошим работникам, пришли к месту встречи раньше него и теперь дожидались за пустым столом у окна. На улице было пасмурно, оттого на подпорных столбах трактира уже висели два потрескивающих масляных светильника.

Прислужник трактирщика, подросток лет пятнадцати, ожесточенно натирал воском деревянные кружки, сам трактирщик время от времени делал ему замечания, а иногда давал подзатыльник.

Когда скрипнула разбитая дверь и на пороге возник Каспар Фрай, приказчики тотчас же встали.

– Добрый вечер, хозяин! Доброго вам здоровья, – приветствовали они Каспара.

– И вам доброго здоровья, – сказал тот, проходя и усаживаясь за стол. – И вы садитесь.

Приказчики сели, заскрипели кожаными сумками, доставая усеянные кляксами свитки. Для прислужника это был знак, он тотчас сорвался с места, обежал прилавок и вынес приготовленный поднос с уже расставленными кружками, в которые была засыпана дорогая чайная трава.

Люди простые довольствовались лесными сборами, а чайную траву возили из далекого Лукума, что стоял на побережье теплого океана где-то на юге. Даже сама весть о существовании такого города дошла в Ливен всего лет пять тому назад. С тех пор и повезли оттуда душистое дерево, чайную траву и тонкий, словно сотканный из воздуха, шелк.

Подойдя к столу, прислужник осторожно расставил перед посетителями кружки; приказчикам достались простые – медные, а уважаемому в городе Каспару Фраю была подана серебряная. Прислужник убежал на кухню и скоро вернулся, неся обернутый в три слоя солдатского сукна медный полуведерный чайник. Развернув его на соседнем столе, он осторожно приблизился к тому, за которым сидели посетители, и наполнил кипятком их кружки, после чего почтительно удалился.

– Что у нас с капиолом? – спросил Каспар у Патрика, ведавшего делами в красильне.

– Капиrolьной смолы еще на два дня осталось, хозяин.

– На чистом складе в запасе сорок четыре фунта имеется, – сказал Луцвель, ведавший складом, где хранились краски, купорос, небеленая пряжа и холсты.

– Купцы котонские на капиrol скидку хотят, хозяин, говорят, по два рилли четыре крейцера за фунт дорого для них. У Ваммера берут по рилли десять крейцеров, – сообщил Клаус, заведовавший складом готовой крашеной пряжи и льна, а также беленого и лощеного холста. Под капиолом приказчик подразумевал крашенную смолами пряжу.

– Ну так у Ваммера пряжа короткая, – возразил Каспар. – Но хорошо, скинь им четыре крейцера, скоро зима, и капиrol дешевле будет. А что с пурпуром?

– Пурпуром мы только тонкий холст красим, поэтому еще недели на две хватит.

– Ты следишь за краской-то? Люди не поворачивают?

– Слежу, хозяин, в сундуке держу под замком, а сундук в димпартаменте стоит и под замком висачим.

– Молодец, – кивнул Каспар, сдерживая улыбку.

Патрик был из деревни, во всем любил основательность и комнатку, где вел учет, называл «димпартаментом».

Минут за сорок все вопросы были решены, чай допит. Каспар попрощался с приказчиками до следующего дня и, оставив плату за все угощение, покинул трактир.

2

Вечерело, солнце клонилось к горизонту, жившие в предместье зеленщики спешили на повозках выбраться из города до темноты, иначе не избежать поборов со стороны жадных стражников.

– Добрый вечер, господин Фрай! – поздоровался с Каспаром какой-то купец, сняв шапку и кланяясь, как перед дворянином.

– И тебе добрый вечер, – ответил Каспар, подумав о том, как со временем изменилось к нему отношение людей.

Прежде его старались обходить стороной – и злодеи, и порядочные люди – на всякий случай. Он разгуливал по городу с мечом и кинжалом на поясе, кои при случае немедленно пускал в ход, немудрено, что многие его сторонились. Теперь же, кроме мешка с серебром, никакого другого оружия Каспар не носил, что вызывало неодобрение его персонального оружейника, гнома Боло. Прежде тот неплохо зарабатывал, снаряжая Каспара для его опасных походов, но прошло уже двенадцать лет, как главный его заказчик остепенился и сменил ратный труд на торговый. Кстати пришлось опыт шпионской поездки в Харнлон – столицу королей Рембургов, где Каспар не только выполнил задание герцога Ангулемского, но и поторговал с хорошей выгодой. Оказалось, у него и к этому ремеслу немалый талант.

Сначала Каспар занялся перекупкой, однако этим в Ливене особых барышей было не нажить, и он взялся за производство – поставил на берегу реки красильню, установил привезенные из Харнлона машины, нанял двенадцать работников, и дело закипело.

После первого же сезона Каспар, сбросив цену, стал одним из основных красильщиков во всей округе, однако дело это было сезонное – зимой река вставала подо льдом, а по суше товары не возили – снег и холод, особенно в горах, делали дороги непроезжими.

Но Каспар решил эту проблему иначе: он поставил два склада – в один свозил готовую продукцию, в другом накапливал сырье: пряжу и небеленые холсты. С приходом холодов, когда другие красильни вставали до весны, предприятие Каспара продолжало работать, пополняя склады и торгуя зимой без всяких конкурентов. Воду из реки подавали в красильню винтом по медной трубе, что позволяло ее не экономить, чаще промывать ткань и получать более ровную окраску.

Предприятие Каспара процветало, и хотя не приносило тех сказочных заработков, что удавалось получать, рискуя жизнью, однако позволяло безбедно жить и растить детей, не боясь сделать их сиротами.

3

Проходя через Рыночную площадь, Каспар с удовольствием вдыхал запах остывающих жаровен, подкисшего пива, подпорченной требухи и острых сыров – он ходил по этой площади уже много лет, но ничего на ней не менялось и все так же зло мели мусор пьяные дворники.

Каспар и не заметил, как город стал для него родным. Прежде ему казалось, что это лишь место жительства, которое в случае необходимости можно без сожаления покинуть, однако теперь стало иначе.

«Наверное, это из-за детей», – подумал он.

Хуберту было уже пятнадцать, а Еве – десять лет. Сын посещал школу и, к удивлению Каспара, успевал по всем наукам. Его учитель – мистер Брадис – занимался с ним дополнительными уроками по математике и древним языкам, Хуберт с одинаковой легкостью постигал цифирь, теоремы и невообразимые спряжения глаголов в арамейском и ральтийском языках. Статью сын пошел в мать – Генриетта был широка в кости и почти с Каспара ростом, сын уже сейчас сравнялся с ней и в будущем обещал вырасти выше отца.

Опасаясь, что из Хуберта вырастет «книжник», Каспар усиленно привлекал его к ратной учебе, однако особых усилий для этого ему прилагать не требовалось – интерес Хуберта распространялся на все. Ему нравилось кузнечное дело, и он бегал смотреть на работу кузнецов, а если выпадал случай попасть в конюшни коннозаводчика Табриция, не упускал и его. В небольшой столярной мастерской, сооруженной Каспаром возле дома, Хуберт учился делать тугие луки, благо его отец помнил уроки, некогда преподанные ему знаменитым в прошлом мастером – Рыжим Расмусом.

Там же во дворе, с расстояния в двадцать шагов, Хуберт делал первые пристрелочные упражнения. В семье Каспара к этому занятию относились серьезно. Генриетта хоть и желала сыну более спокойную, чем у отца, жизнь, однако понимала, что военное мастерство мужа не раз выручало их.

Правда, застав однажды за этим занятием дочь, Генриетта накричала на нее, отобрала лук и, заведя в кухню, объяснила, что ее дело – вышивать наволочки и готовить приданое.

– Из луков пусть мальчишки стреляют, а наше женское занятие – хранить домашний уют.

– А папа рассказывал, что ты из арбалета стрелять умеешь, а тетя Каролина говорила, будто когда-то давно, когда еще Хуберт маленьким был, ты в доме бандита застрелила, прям стрелой к стене – как гвоздем...

– Это для меня она тетя Каролина, а для тебя – двоюродная бабушка, – попыталась тогда Генриетта сменить тему, но настойчивый взгляд Евы требовал пояснений.

Пришлось матери сказать, что сделала она это с большого перепугу и только потому, что отца дома не было. Одним словом, Генриетта не поощряла интереса дочери к мужским забавам и настоятельно рекомендовала постигать искусство вышивания.

Свернув на улицу Бычьего Ключа – там стоял его дом, – Каспар поздоровался с главным чиновником магистрата, советником Гогнусом. Гогнус был вторым лицом после мэра и недавно купил дом бывшего старшины городских стражников Вишмунда. Тот умер полгода назад, и его дети, не желая переезжать в Ливен, продали дом отца, чтобы поделить деньги, а поскольку водить знакомство с Каспаром Фраем считалось престижно, советник Гогнус воспользовался случаем и купил дом по соседству.

Последние пять лет жившие на улице Бычьего Ключа стеклодувы, портные, шорники и плотники потихоньку съезжали кто в предместье, кто в Кузнечную слободу, а их дома перекраивали на вырост новые хозяева – купцы и вышедшие на пенсию офицеры герцогской гвардии.

Войдя во двор, Каспар по-хозяйски окинул его взглядом. Поднял с земли доску и поставил к стене мастерской. Во дворе соседа – капитана-гвардейца в отставке – лаяла собака, у нее

недавно родились щенки, и она никого к ним не подпускала. Капитан уже показывал Каспару перевязанную тряпицей руку и предлагал, если надо, подарить щеночка, уверяя, что тот будет свиреп, как «ейная мамаша». Каспар обещал подумать.

4

Дома его ждал сюрприз – Хуберт сидел на кухне с перебинтованной головой, а Генриетта бегала вокруг, то прикладывая к его голове медный ковш, то хватаясь за склянки с лечебными мазями, не переставая голосить, что сынок «зашибся».

– Что здесь происходит? – спросил Каспар.

– Папа, Хуберт по голове деревяшкой получил! – выпалила всезнающая Ева.

– Какой деревяшкой?

– Пап, я с кулевриной тренировался, – повернувшись к отцу, сообщил Хуберт.

– Ну и как? – усмехнулся Каспар, а внутренне весь сжался – кулеврина была очень опасным снарядом и могла убить нерасторопного ученика.

– До третьей засечки дошел, а потом... Потом не справился.

– Каспар, я требую, чтобы ты запретил ему заниматься в этой душегубке без твоего присмотра! – закричала Генриетта. – Ребенок зашибся, разве не видишь?

– Да уж вижу, – вздохнул Каспар. – Ты в самом деле, Хуберт, больше такого себе не позволяй, с покалеченного бойца толку мало. В учебе тоже головой думать надо, а не подставлять ее, это тебе не горшок за три крейцера, другой на базаре не купишь...

– Я больше не буду... Слово даю.

– Ну вот и хорошо. Ты слышала, Генриетта?

– Сапогиними, чего топчешь?! – проворчала жена.

– Извини, дорогая, сейчас сниму.

Сняв сапоги и обувшись в мягкие домашние туфли, Каспар прошел в гостиную и оттуда спустился на первый, незаконный этаж дома. Помимо арсенальной там находился тренажерный зал.

Каспар высек кресалом искру, запалил пропитанный селитрой фитиль и от него зажег дежурную свечу, что стояла возле двери на полке.

Сзади слышались быстрые шаги.

– Тебе чего? – спросил Каспар, оборачиваясь.

– Я хочу с тобой пойти... – сказала Ева.

– Я иду только посмотреть, – соврал Каспар.

– Ну и я посмотрю.

– Ева, тренажерный зал не для девочек, твое дело расти умной и красивой невестой. Для этого тебя и в школу отдали. Ты сделала сегодняшний урок по цифири?

– Какая цифирь, папа? Я посещаю школу для девочек, там учат только вышивке и стряпне, как будто меня мама этому не может научить! Там все дуры, папа, я не хочу больше туда ходить!

– Одна ты у нас умная. – Каспар развел руками, на стене заколыхались быстрые тени.

– Нет, не только я. Есть еще Полли, она тоже кое-чего соображает, но остальные полные тупицы, только и обсуждают, у чьего папаши больше золота.

Каспар задумался. Как он мог помочь дочери?

– Вот что, я поговорю с учителем Бразисом, пусть он и тебе дает уроки цифири и математики. Как ты на это посмотришь?

– Ой, правда, папа? – обрадовалась Ева, ее глазки заблестели от восторга.

– Отчего же не правда? Прямо завтра и поговорю.

– Ур-ра! Ур-ра! Я буду учить цифирь! – закричала Ева и, подпрыгивая, унеслась прочь.

Каспар улыбнулся и толкнул дверь тренировочного зала.

5

Пройдя вдоль стен помещения, Каспар зажег три десятка свечей в зеркальных светильниках – в зале стало светло.

Он потушил дежурную свечу и осмотрелся – возле кулеврины крови не было, значит, ранение Хуберта не так серьезно. Сын сказал, что пострадал на третьей засечке, выходит, прошел первые две? Или сразу решил попытать счастья на третьей?

Каспар завел пружины кулеврины, выставил колышек на первую засечку и, сняв со стены деревянный, обитый кожей тренировочный меч, встал в позицию. Теперь требовалось только ткнуть им в металлический диск, и это послужит пуском бешеного механизма тренировочной машины. У нее имелось семь лап, но на первой засечке срабатывали всего три, однако какие именно из семи, было неизвестно, хитрый золотник – устройство, включающее лапы, – всякий раз подключал разные и с разных сторон.

За эту машину гном Боло взял тридцать золотых, по меркам Ливена – целое состояние.

Выдержав паузу, Каспар нанес «укол», и кулеврина обрушила на него один за другим три удара – два в уровень головы и один – коварный – подсекающий ноги. Но Каспара такими ходами было не взять, он уверенно отбил все три. Несмотря на спокойную жизнь преуспевающего купца и промышленника, он старался посещать зал не реже двух раз в неделю. Генриетта называла это блажью, однако тренировки помогали Каспару держать себя в хорошей форме.

Взвесив в руках тренировочный меч, Каспар решительно переставил колышек на вторую засечку. Отошел, прицелился и нанес очередной укол – четыре лапы ударили одна за другой, но и тут Каспар отбился. Довольный собой, он улыбнулся и, попятившись к стене, вдруг увидел уходящую к горизонту дорогу и стоящих полукругом озлобленных людей. Это были враги, они недобро смотрели на него и были готовы атаковать. Вот один из них бросился вперед, и Каспар взмахнул мечом...

Наваждение ушло так же быстро, как и захватило рассудок Каспара. Он встряхнул головой и опустил поднятый для удара меч.

Что это было – сон наяву? А может, знак?

Нехорошее предчувствие сдавило грудь, Каспар повесил меч на стену и, пройдя по кругу, задул свечи – сегодня ему следовало отдохнуть и попить лечебного отвара, который так хорошо удавался Генриетте.

Супругу он застал на кухне, казалось, она никогда не устает готовить, стирать белье, убирать комнаты.

Увидев вошедшего мужа, Генриетта отставила кастрюли и озабоченно спросила:

– Что с тобой? На тебе лица нет.

Наскоро вытерев руки о фартук, она приложила ладонь ко лбу мужа.

– Нет, это не болезнь... – сказала она уверенно.

– Оставь, – отмахнулся Каспар и сел за стол. – Завари-ка лучше своих трав, хочется выпить чего-нибудь горячего.

– А может, хересу?

– Нет, лучше трав.

Генриетта пристально посмотрела на мужа и достала из шкафчика деревянную резную коробочку с заветным сбором.

– Ева хочет цифирь изучать, – сказал Каспар.

– Она мне этой цифирью все уши прожужжала.

– Я вот подумал – пусть девка поучится, хуже не будет, а то скучает она в девчачьей школе.

– Дело твое, ты отец и деньги твои за учебу пойдут, – пожала плечами Генриетта, тоном показывая, однако, что не одобряет затею мужа. – А вот придет время замуж ее отдавать, кто ее, ученую-то, возьмет? Она ведь дерзкая станет.

– Она и так дерзкая станет, порода у нее такая – вся в меня. – Каспар улыбнулся. – Ничего, пусть учится, а денег за нее много и не потребуется, небось учитель Бразис и за холст крашенный учить станет, за девчонку большего не положено.

6

Наутро Каспар отправился на Рыночную площадь, чтобы купить прочной бечевки для замачивания в воде согнутых облучий, а заодно и прогуляться – он давно завел себе такой обычай.

Когда Каспар появился на площади, там уже вовсю кипела торговля; если горячие пироги и разварной картофель со смальцем только подвозили к столам торговок, то продажа сырых продуктов велась уже с шести часов утра.

Вдоль рядов неспешно проезжали телеги с тюками овчин и рулонами кож, за ними покачивались трехэтажные возы гончаров с расставленными, словно в шкафу, круглыми обливными горшками.

Каспар любил эту сутолоку и нарочно одевался попроще, чтобы дольше оставаться неузнанным и беспрепятственно гулять среди лотков. Но в этот раз долго гулять ему не пришлось – раздался стук копыт, и на площадь, ничуть не опасаясь зашибить людей, выскочила четверка всадников. Каспар узнал зеленые мундиры герцогских глашатаев, они появлялись, чтобы доносить до подданных его светлости распоряжения и приказы их господина.

Один из глашатаев прыгнул с лошади, взбежал на каменное возвышение, специально построенное для таких целей, и сшиб ногой две корзины со связанными курами. Корзины полетели вниз – на опешившую торговку, а глашатай развернул свиток и, окинув взглядом притихшее торжище, начал читать:

– «Граждане города Ливена и подданные его светлости герцога Ангулемского из других городов и поселений! Третьего дня Арнольд Фердинанд дюр Гильбер Ангулемский оставил нас, навсегда уйдя вслед за своими славными предками! Новым герцогом и господином вашим объявлен племянник покойного – герцог Бриан Туггорт дюр Лемуан Ангулемский, да продлятся дни его справедливого правления! Трактат сей разослан по всем городам герцогства, а также сюзерену нашему королю Ордосу Четвертому Рембургу в Харнлон».

Свернув свиток, глашатай сунул его в суму, сбежал с возвышения и, вскочив на коня, в сопровождении своих товарищей помчался прочь – предстояло объявить важную весть в других поселениях.

Люди на площади словно оцепенели. Казалось бы, ничего особенного не случилось – ну не стало прежнего герцога, появился новый, однако прежний герцог был способен защитить свои земли от грабителей лорда Кремптона и пришедших из-за его земель степняков, от притязаний короля Ордоса и банд бродячих разбойников. Так ли надежен будет новый господин?

Постепенно люди стали оживать, голоса их становились все громче. Не слушая другого, каждый пытался высказать свое собственное мнение и только свою правду. Внезапно то тут, то там начали завязываться потасовки, в них вступало все больше охотников, и вскоре Рыночная площадь стала напоминать Каспару знакомые картины кровавых сражений. Странное ожесточение, обуявшее горожан, начало выплескиваться наружу.

Каспар, пораженный, поспешил прочь, впервые жалея о том, что при нем нет оружия. Метавшиеся вокруг люди выкрикивали угрозы и крушили друг друга чем ни попадя.

Из толпы к Каспару выскочил какой-то человек и, схватив его за плечо, замахнулся острым обломком доски.

– Убью! – закричал он, брызгая слюной.

Каспар отшвырнул его и поспешил прижаться к стене. Где-то ударил гром, небо стали затягивать тучи. Оторвавшись от стены и перепрыгивая через катающиеся клубки сцепившихся тел, Каспар побежал к ближайшему проулку.

Снова ударил гром, рванул ветер, несколько кусков черепицы сорвались с крыши и, упав на мостовую, разлетелись мелкими осколками.

«Помогите, убивают!»

«Всех перережу!» – неслись вслед Каспару страшные крики.

По крышам застучали крупные капли дождя, снова рванул ветер, где-то хлопнула рама и разбилось стекло.

– Да где же стража, мамочки мои?! – послышался со второго этажа испуганный женский голос.

– Что там, Клара?

– На площади дерутся, а на улице – буря!

Каспар закутался в плащ и прибавил шагу, ветер налетал короткими порывами со всех сторон, то ударяя в лицо, то подталкивая в спину. Сверкнула молния, и сквозь сгустившийся мрак на землю посыпался мелкий град.

К тому времени, как Каспар добрался до дома, град успел засыпать всю мостовую, а ветер продолжал швырять его плотными зарядами в прохожих, в стены домов и в окна.

Забежав во двор, Каспар плотно притворил ворота и задвинул засов. Взбежал по длинной лестнице и, оказавшись в прихожей, первым делом спросил:

– Дети дома?

– Дома! – доложила выскочившая Генриетта. – Как загремело, так я сразу сказала – в школу не пойдете. Вот и ты вернулся, хорошо как...

Комкая фартук, Генриетта неожиданно попятилась и, наткнувшись на стену, осела, спрятав лицо в ладони и заплакала.

– Ты чего, мам? – спросил, вбегая, Хуберт. На его голове была свежая повязка.

– Не тронь ее, сейчас пройдет, – сказал Каспар, снимая сапоги.

Однако ему пришлось проводить жену в гостиную, а детей отправить на другую половину дома, чтобы не мешались со своими вопросами.

Генриетта продолжала рыдать, не помогали ни вода, ни приготовленные ею же капли. Не найдя способа привести ее в чувство, Каспар оставил эту затею и зажег стоявшую на столе свечу. Неожиданно это помогло, Генриетта перестала плакать и уставилась на пламя свечи тоскливым взглядом.

– Ты... отчего плакала, дорогая? – осторожно спросил Каспар, боясь вызвать новые рыдания.

– Я боюсь, Каспар, – всхлипнув, ответила Генриетта.

– Чего же ты боишься? Этой бури?

Каспар оглянулся на потемневшие витражные окна; град продолжал стучать в них с удивительной настойчивостью.

– Нет, Каспар, я боюсь не бури. Я боюсь завтрашнего дня...

7

Всю ночь слова Генриетты не давали Каспару ни сна, ни покоя. Как ни старался он убедить себя, что все это пустое, бабья блажь, однако тревога разливалась по телу губительной отравой, заставляя стыть ноги и чаще биться сердце.

Заснуть удалось только под утро, но не проспал Каспар и двух часов, как был разбужен стуком множества копыт о мостовую.

Сразу почувствовав неладное, он вскочил с постели и в предутреннем полумраке пошарил вокруг в поисках меча – ему пригрезилось, будто он где-то в поле, стоит на часах и враг чуть не застал его врасплох.

– Каспар, кто там?! – переполошилась Генриетта, и ее голос вернул его к реальности.

– Приехал кто-то.

Каспар подошел к окну, и тут раздался сильный стук в ворота, казалось, их вот-вот ссадят с петель.

– Каспар Фрай, выходи немедленно!

– Каспар Фрай, выходи! – кричали неизвестные на несколько голосов.

Каспар распахнул окно, потянуло холодом, утро выдалось пасмурное и студеное.

– Я Каспар Фрай. Чего ломитесь? – Он старался говорить твердо, и это давалось ему нелегко, внизу на беспокойных, бряцающих уздечками мардиганцах дожидались человек двадцать гвардейцев герцога – давно к нему не навевывались в таком составе.

– Спускайся немедленно, Фрай, ты должен ехать к герцогу – в Ангулем! – прокричал молодой гвардейский капитан. Должно быть, он недавно получил «золотых орлов» и неожиданная власть еще кружила ему голову.

– Сейчас буду готов, господин капитан, – ответил Каспар миролюбиво. – Только лошади у меня нет.

– Лошадь не нужна – в экипаже поедешь вместе с семьей!

– С семьей? – удивился Каспар.

– Я с тобой что, через забор переговариваться буду, скотина ты эдакая?! – закричал молодой капитан и в сердцах ударил стеком ни в чем не повинного жеребца.

В этот момент по улице, грохоча железными ободьями, подкатила одна из карет герцога, запряженная четверкой гнедых лошадей.

– Ну-ну, – сказал Каспар, совершенно смущенный таким поворотом, и, закрыв окно, повернулся к Генриетте. Но ее в постели уже не было.

Каспар стал торопливо одеваться, лихорадочно соображая, как он объяснит жене, что новый герцог требует их всех в замок. Каково же было его удивление, когда, выйдя в гостиную, он застал там сонную Еву, уже совершенно одетую, с наспех собранными и увязанными в узел пожитками.

– А где мама? – спросил Каспар.

В этот момент в гостиную ввалилась Генриетта с огромным узлом, в который она запихивала какие-то тряпки.

– Мы уже готовы, – сказала она, поправляя выбившуюся из-под чепца прядь. – Хуберт у дверей ждет.

– А ты не боишься? – спросил Каспар.

– А чего мне бояться? Наверное, новый герцог хочет дать тебе службу, оно и правильно, чего тебе тряпки красить, ты человек с головой, такого каждый на свою службу пристроить рад.

Генриетта с перепугу несла чепуху, но в этот момент Каспар был благодарен ей за то, что она не потребовала от него ответов на вопросы, которых он не знал.

В ворота снова застучали.

– Ну-ка пошевеливайтесь! Его светлость долго ждать не будет!

– Ну пошли-пошли, – сказал Каспар, подхватывая узлы у Евы и Генриетты. – Нехорошо заставлять ждать молодого герцога, а то еще подумает, что мы относимся к нему без должного почтения.

На улице было сыро, насыпавший вечером град растаял, превратившись в лужицы.

Гвардейцы угрюмо смотрели на Каспара, должно быть, виня его в том, что их выгнали из казармы в такую рань.

Сидевший на козлах кареты немолодой сержант соскочил на мостовую, распахнул перед Генриеттой дверцу и разложил ступеньки.

– Пожалуйте, госпожа Фрай.

Лицо сержанта показалось Каспару знакомым – он видел его прежде на герцогском подворье. Сержант тоже его знал и приветливо подмигнул, дескать, все будет хорошо.

– Ты чего тут моргаешь?! – закричал на него капитан. – Твое дело на козлах сидеть!

– Уже иду, господин капитан! – придурковато завопил сержант, вытягиваясь в струнку и дико вращая глазами.

За спиной капитана кто-то из гвардейцев хихикнул. Каспар посадил Еву, пропустил в карету Хуберта и, поднявшись сам, сложил порожки и затворил дверцу.

– Поехали-и-и! – крикнул капитан и, дав мардиганцу шпоры, понесся вперед.

За ним последовали несколько гвардейцев, остальные поехали позади кареты.

Ева тут же придвинулась к окну и, расплющив нос о стекло, стала с восхищением глядеть на улицу, это было ее первое путешествие в настоящей карете.

– Пап, а куда нас везут – к герцогу?

– К герцогу, дочка.

– А чего ему от нас надо? Или просто в гости позвал?

– Думаю, что в гости. С прежним герцогом мы были хорошо знакомы, должно быть, и этот решил посмотреть на нас.

– А зачем мы все вместе едем? – спросил молчавший до того Хуберт. Он сонно тер кулаками глаза и все еще не понимал, что происходит.

– Наверное, герцог папе службу предложит, – пришла на помощь Генриетта.

– Именно так, – вздохнул Каспар, угрюмо поглядывая в окно.

Снова зарядил дождик, по стеклу побежали капли. За окном мелькали редкие прохожие – в непогоду на улицу никто без нужды не выходил.

Пробежала бездомная собака, крестьянин на телеге ждал на краю мостовой, испуганно поглядывая на несущийся экипаж.

Скоро дома закончились – Ливен остался позади. Потянулись знакомые холмы, здесь была дикая, необжитая местность, строить вдоль дороги, ведущей к замку, герцог запрещал.

Каспар погрузился в невеселые думы, то, что вместе с ним затребовали всю семью, пугало его. Неизвестно, что пришло на ум новому правителю, уж не наговорили ли ему про Каспара каких-нибудь небылиц? Но кто мог наговорить, ведь в Ангулеме у Каспара никаких врагов как будто нет?

Промучившись догадками всю дорогу и предоставив жене отвечать на вопросы детей, Каспар очнулся от дум, лишь когда во всей красе на краю скалы показался замок Ангулем.

На первый взгляд в его облике ничего не изменилось – он выглядел таким же, как и двенадцать лет назад, но, когда подъехали ближе, Каспар различил на стенах несколько башенок, видимо недавно построенных из нового и оттого более светлого камня. Но часовые все так же стояли меж зубцов, и все так же развевались на флагштоках полотнища с гербами Рембургов и Ангулемских.

Лишь когда карета подъехала к самому рву, застрекотали цепи и мост с грохотом ударился о каменное ложе. Появились часовые, однако экипаж останавливать они не стали, и карета беспрепятственно вкатилась на внутреннее подворье.

Ворота за экипажем тотчас подняли, Каспар услышал, как тархтят подъемные барабаны. Это его удивило, никогда прежде Ангулемский не прибегал к таким мерам безопасности, даже в те времена, когда пиратская армия двигалась на Ливен, а войска короля стояли на границе герцогства.

Пожилой сержант живо соскочил с козел и, распахнув дверцу кареты, сказал:

– Выходите, ваша милость, приехали.

Каспар спрыгнул на брусчатку, не дожидаясь, когда возничий разложит ступеньки. Пока Генриетта с детьми выходили и вытаскивали узлы с пожитками, он внимательно огляделся.

Как и следовало ожидать, за столь длинный срок, что он здесь не появлялся, очень многое изменилось. Коновязей оказалось куда больше, чем в прежние времена, вдоль них были проложены канавки для смыва навоза за стену – в ров. На мощенном брусчаткой дворе было просторно, прежней суеты не наблюдалось, однако среди гвардейцев, что находились здесь, Каспар заметил солдат в странных мундирах мышиного цвета и черных широкополых шляпах. При себе они держали невзведенные арбалеты с вложенными в замки болтами и с подозрением смотрели по сторонам.

Гвардейцы в красных мундирах держались от этих стрелков в стороне, и Каспар не заметил, чтобы они меж собой беседовали.

В дальнем конце подворья появился новый флигель, превосходивший размерами обычное лакейское жилье. Напротив его входа стояла простая черная карета с хорошими рессорами и большими колесами – это был легкий и быстрый экипаж. Лошадей при нем не оказалось, но оглобли и упряжь были оперты на подставки, чтобы в пять минут поставить под них четверку лошадей.

– Ну что, посмотрел? – раздался резкий и злой голос молодого капитана. Он перепоручил мардиганца солдатам и стоял подле Каспара, ожидая, когда выгрузится все приехавшее семейство.

– Да, господин капитан, посмотрел, – спокойно ответил Каспар. – Скучно тут у вас.

– А чего же радоваться-то, болван, мы скорбим о смерти Арнольда Фердинанда Ангулемского. – Смерив Каспара надменным взглядом, капитан добавил: – Следуй за мной!

Генриетта схватилась за узлы, но капитан остановил ее:

– Куда ты со своими тряпками, дура?! Сиди пока, жди распоряжения!

Для пущей внушительности капитан схватился за рукоять меча, но Каспар прихватил его за запястье и так крепко сжал, что суставы капитана затрещали.

Притянув офицера ближе, Каспар, не разжимая зубов, прошипел:

– Если ты еще раз оскорбишь меня или кого-то из моих близких, клянусь, я вырву тебе горло прямо здесь, чего бы мне это ни стоило...

Капитан из последних сил сдерживался, чтобы не закричать от боли, ему казалось, что рука уже сломана. Старый наемник разжал свою клешню, и капитан осторожно пошевелил пальцами, проверяя, работает ли онемевшая рука.

– Следуйте за мной... ваша милость, – произнес он уже другим тоном. – Я провожу вас к его светлости.

Каспар обернулся, подмигнул Генриетте, мол, все в порядке, и пошел следом за капитаном. За ним внимательно следили несколько стоявших в разных концах двора «серых» арбалетчиков.

К удивлению Каспара, капитан прошел мимо входа в жилые покои замка и двинулся к большому флигелю.

Возле его двери стояли на карауле двое гвардейцев. Заметив капитана, они вытянулись, поскольку этот служака был особенно придиричив. Один из гвардейцев распахнул перед капитаном дверь, и они с Каспаром прошли внутрь, но не успели сделать и нескольких шагов, как от стены к капитану шагнули двое в широкополых шляпах и один из них приставил к горлу офицера тонкий меч.

– В чем дело? Я капитан Престон, герцог знает меня!

– Гвардейцам сюда нельзя, – с расстановкой произнес один из солдат, у него был нездешний акцент. – Место гвардейцев – во дворе.

– Но позвольте, я капитан Престон... – не сдавался офицер.

– Что здесь происходит? – раздался чей-то скрипучий голос.

Солдаты разом отпрянули к стенам, и между ними появился сутулый человек с длинными, до плеч, седоватыми волосами. Он был в мундире из дорогого сукна хорошей темно-серой окраски – уж в этом Каспар разбирался.

– Этот гвардеец, ваше сиятельство, хотел пройти...

– Ваше сиятельство, мне было приказано доставить сюда наемника Фрая с семьей, а мне не разрешают...

– Это Фрай? – перебил капитана граф.

– Так точно, ваше сиятельство.

– А где семья?

– Во дворе, ваше сиятельство.

– А велика ли семья? – не сводя серых, чуть навывкате глаз с Каспара, спросил граф.

– Двое детей, ваша светлость, мальчик и девочка, и еще жена.

– Хорошо, капитан, можете быть свободны, я сам провожу Фрая к герцогу.

– Но мне... – начал было Престон, желая лишний раз напомнить о себе высокому лицу.

– Уберите его, – отмахнулся граф и, повернувшись, двинулся по коридору.

Каспар пошел за ним, с интересом рассматривая нездешнего фасона сапоги графа – на высоком каблуке и с широкой серебряной пряжкой спереди.

За поворотом оказалась каменная лестница, возле нее еще двое солдат в шляпах. Они стояли не шелохнувшись, так что их можно было принять за изваяния.

На втором этаже снова оказался коридор с деревянными полами и простыми выбеленными стенами. Все выглядело очень скромно, лишь массивные добротные двери с бронзовыми ручками отличали этот дом от любого похожего в городе.

Возле одной из таких дверей стояли двое часовых – все в тех же серых мундирах, гвардейцам тут не доверяли.

Граф сам открыл дверь, и Каспар, следуя за ним, вошел в большую комнату, обставленную без излишеств.

Здесь были все те же побеленные стены, украшенные несколькими гобеленами и подвесными подсвечниками. Мебель стояла неновая, принесенная из замка: высокое бюро, пара письменных столов, жесткие кресла.

Из-за стола поднялся молодой человек неполных двадцати лет, высокий, со светлыми длинными волосами и в мундире наподобие графского, но с преобладанием черных тонов. На его шее висела золотая цепь с медальоном герцога Ангулемского, однажды Каспар видел этот медальон у Арнольда Фердинанда. Чертами лица молодой герцог напоминал своего предшественника – те же высокие скулы, чуть опущенные уголки рта и, конечно же, фигура. Когда герцог подошел ближе, Каспару на мгновение показалось, что сейчас знакомый голос Арнольда Фердинанда произнесет: «Приветствую тебя, Фрай!»

8

Но никто Каспара не приветствовал, молодой герцог внимательно посмотрел на него и спросил:

– Кого ты привел, де Кримон?

– Это Фрай, мой герцог. Тот самый, верный слуга Арнольда Фердинанда.

Молодой герцог улыбнулся одними губами, Каспару показалось, что в его глазах он приметил искорку торжества.

– Так, значит, ты и есть Фрай?

– Так точно, ваша светлость, Каспар Фрай.

– Подумать только! – покачал головой герцог. Отступив на шаг и чуть склонив голову, он уперся оценивающим взглядом в Каспара. – С виду обычный простолюдин, странно, что дядя доверял ему немалые тайны нашего рода. Неудивительно, что он так нелепо закончил свои дни.

– Прошу тебя, Бриан, не говори так об Арнольде! – строго сказала пожилая дама в черном траурном платье и чепце. Каспар не сразу заметил ее, она сидела в самом углу.

– Ах, матушка, оставьте, разве вы еще не поняли, что дядя впутал всех нас в такие обстоятельства, что...

Вспомнив о присутствии постороннего, герцог осекся.

– Кажется, я приказывал привести Фрая вместе с семьей, – напомнил он де Кримону.

– Они во дворе, мой герцог, – ответил тот с легким поклоном.

– Вот как? Хорошо. Сколько у него детей?

– Двое, мой герцог, мальчик и девочка.

– Очень хорошо. – Герцог удовлетворенно потер ладони и отошел к столу.

Каспар тревожился все сильнее, этот странный интерес к его детям не мог не испугать его. Он даже хотел напрямик спросить этих людей, что они задумали, у него было достаточно сил, чтобы справиться и с графом, и с этим молодым выскочкой. Каспар покосился на меч де Кримона, он был длинноват и слишком узок, но и таким оружием можно было прихватить с собой полдюжины мерзавцев.

– Итак, Фрай, тебя, должно быть, интересует: с какой целью тебя привезли в замок Ангулем, да еще вместе со всем семейством? – спросил герцог.

– Честно говоря, ваше сиятельство, я был бы благодарен даже за краткое разъяснение.

– Хорошо, я дам тебе разъяснения, – великодушно согласился герцог Бриан, шагая от письменного стола до окна и обратно, – хотя это выглядит немного странно: герцог объясняется перед каким-то простолюдином, но оставим условности...

Герцог взглянул на графа, словно ища поддержки, однако тот отвел глаза, предоставляя Бриану самому разбираться со своими проблемами.

– Итак, мой дядюшка, будучи при смерти, вкратце рассказал о твоей службе для него. Он сказал, что ты надежный и, что самое важное, доверенный его слуга. Ты необычайно везуч, и тебе по силам любые подвиги. Дядюшка перечислил несколько важных заданий, которые ты с успехом для него выполнил, и сказал, что только ты, Фрай, в состоянии помочь нашему роду, всем Ангулемским – и прошлым, и настоящим, и будущим.

Герцог остановился возле стола и уставился в пол, затем, словно очнувшись, поднял глаза на недоумевающего Каспара.

– Ты помнишь, что за услугу оказал дядюшке в последний раз?

– Да, ваша светлость, мне пришлось отправиться в Синие леса, чтобы добыть для герцога Арнольда печать огров.

– Правильно, – кивнул молодой герцог. – Дядюшка рассказал мне, что ошибся, он неправильно истолковал перевод с арамейского и... Одним словом, использовав печать огров, он

только навредил себе и всем Ангулемским, в том числе и мне. Не хочу показаться чудовищем, Фрай, но, если ты не выполнишь мой приказ, твои близкие будут уничтожены. Возможно, их обезглавят, возможно, сожгут или утопят в нечистотах, полагаю, для тебя это не так важно, главное то, что, пока ты будешь выполнять мое поручение, они останутся в замке в качестве заложников.

– Что за задание я должен выполнить? – спросил Каспар, опуская из-за волнения «вашу светлость».

Впрочем, герцог сам волновался и не заметил этой оплошности.

– Ты должен принести мне Золотую Латку, маленькую кротовую шкурку, наложение которой на печать огров позволит отменить ее действие.

Каспар вздохнул, это название ни о чем ему не говорило.

– Где я должен искать кротовую шкурку, ваша светлость?

– На побережье Студеного океана. Тебе уже приходилось бывать в Харнлоне, ведь так?

– Да, ваша светлость, приходилось.

– Значит, ты представляешь себе, где находится Студеный океан. Перед тем как покинуть нас, дядюшка прошептал мне имя колдуна, что хранит Золотую Латку. Его зовут Саламур.

– Я запомню.

– Запомни. – Герцог подошел к Каспару ближе. – Запомни и то, что на все это у тебя будет только месяц. За это время ты должен решить мою проблему, иначе заплатишься за свою медлительность. Тебе понятно?

– Как не понять, ваша светлость. – Каспар вздохнул. – Осмелюсь спросить: где будет жить моя семья, пока я буду в отлучке?

– Они будут жить в большом замке, ни в чем не нуждаясь. Хорошая еда, кров, одежда – что еще нужно простолюдинам?

– Мои дети учатся в школе, ваша светлость.

– Учатся в школе? – удивился герцог и взглянул на де Кримона.

Тот пожал плечами, он тоже не слыхивал, чтобы простолюдины нуждались в грамоте.

– И чему же учатся твои дети, Фрай?

– Они учат арамейский язык, а также цифири и теоремы.

– И девочка? – не поверил герцог.

– Да, ваша светлость, в женской школе ей было скучно.

– Забавно. – Герцог подошел к окну и остановился. – Весьма забавно, однако не вижу причин отказывать в учении столь любознательным чадам. Мы заберем из города их учителей – пусть живут в замке. Что еще?

– Я давно не занимался этой работой, ваша светлость, мои товарищи разъехались, команды нет.

– Чего же ты хочешь – моих солдат?

– Нет, ваша светлость, мне нужно время для подготовки.

– Сколько?

– Неделя, ваша светлость, и чтобы указанный вами срок исчислялся по окончании этой недели.

Герцог подумал, заложив руки за спину и покачиваясь на каблуках высоких сапог.

– Хорошо, Фрай. Даю тебе на сборы неделю, твоя семья будет жить в замке начиная с этой минуты. Если больше тебе нечего спросить, можешь идти – время для тебя дорого.

– Я хотел спросить, ваша светлость...

– Спрашивай.

– Есть ли еще какие-нибудь сведения о том, где может находиться кротовая шкурка? В прошлый раз герцог Арнольд давал мне карты, а когда не позволяли обстоятельства, я заучивал описание пути на память.

– Никаких описаний у меня нет, все свои бумаги дядя вел на арамейском, чтобы соблюсти секретность. Что ж, он ее соблюл. – Герцог усмехнулся и развел руками. – Ни я, ни кто-либо из моих подданных не владеет столь премудрой грамотой. Вот разве что дети твои послужат мне в этом, когда выучатся... Они обязательно выучатся, если ты вовремя вернешься с артефактом.

– И еще...

– Что еще? – Герцог в нетерпении шагнул к Каспару.

– У меня красильня и два склада, каждый вечер я встречаюсь с приказчиками, проверяю их – одним словом, веду свое дело.

– За этим присмотрит кто-нибудь из наших кастелянов. Де Кримон представит тебе одного из них. Полагаю, этого будет достаточно.

Сказав это, герцог повернулся к Каспару спиной, и де Кримон тронул наемника за локоть, давая понять, что пора уходить.

Как во сне, Каспар следовал за графом, пытаясь придумать, на кого в этом новом и неожиданном деле, где наградой не золото, а жизнь близких людей, он может положиться. По всему выходило, что не на кого. Гном Фундинул сразу после последнего похода уехал к себе в Котон, зарекишись ввязываться в авантюры Каспара. Эльф Аркуэнон после того, как люди с соседских хуторов сожгли его дом, так и не решился строить новый и подался на юго-восток, к заморским эльфам, среди людей жить он больше не хотел.

О мессире Маноло и вовсе ничего не слышали, он был свободен как ветер и пропадал неизвестно в каких мирах.

Углук по возвращении из Синих лесов прожил в городе еще год, потом уехал на родину. Каспару он сказал, что окончательно образумился и готов завести семью.

Бертран фон Марингер, пока длился мир, оставался без работы и жил в восстановленном после разграбления замке Марингер. Он женился и жил в деревенской тиши, больше заботясь о тучности стад и достатке крепостных на своих землях. Возможно, он все так же любил охоту и оставался в хорошей форме, но Каспар не представлял, как добраться до замка Марингер быстрее чем за неделю. А у него только и оставалась на все сборы, что эта самая неделя.

9

Увидев Каспара в сопровождении незнакомого седого человека, Генриетта и Ева поднялись с узлов, на которых сидели на том же месте, где их выгрузили из кареты.

Де Кримон чуть отстал, поглядывая на этих людей со стороны. Каспар подошел к Генриетте и через силу улыбнулся.

– Что сказал тебе герцог? – спросила она.

– Вам с детьми придется пожить в замке.

– В замке? – Генриетта покосилась на высокие серые стены. – А ты?

– А я пока отправлюсь выполнить одно поручение его светлости.

– А сколько мы тут будем жить? – спросил Хуберт, оглядываясь на гвардейцев.

– Не больше двух месяцев.

– Так долго?! – воскликнула Ева. – Но я же не смогу ходить в школу!

– Об этом не беспокойся, дорогая. – Каспар погладил дочку по голове. – Его светлость обещал привезти к вам всех учителей, которые только потребуются.

– У тебя нет шляпы.

– Да? Наверное, дома забыл.

Каспар взглянул на жену, и его сердце сжалось – так много боли было в ее наполненных слезами глазах. Генриетта все понимала, она чувствовала, что муж недоговаривает, скрывая что-то важное и ужасное.

Подошли двое лакеев и встали в нескольких шагах, ожидая знака, чтобы забрать узлы и проводить новых жильцов в замок.

– Что из вещей тебе прислать? – спросил Каспар у жены. – Ты ведь не все успела взять. Я в этом не особенно понимаю, но могу свалить в мешок все твоё барахло.

– Хорошо, привези все мое и детей тоже.

– Прощайся поскорее, Фрай, – нетерпеливо напомнил де Кримон, и лакеи шагнули к узлам.

– Отправляйтесь, – сказал Каспар и отвернулся, не в силах выдержать тоскливый взгляд Генриетты.

Лакеи подхватили узлы и двинулись к парадному крыльцу замка, Генриетта пошла следом. Хуберт запрокидывал голову, рассматривая высокий шпиль, а Ева уже подпрыгивала от нетерпения, желая поскорее посмотреть, как выглядит замок изнутри.

– У тебя милая жена, Фрай, – прокрипел граф.

– Да, ваше сиятельство, – отрешенно ответил Каспар.

– Тебя не удивило, что герцог Бриан живет во флигеле?

Каспар повернулся к де Кримону, на лице графа играла издевательская улыбка.

– И почему же его светлость находится во флигеле?

– Потому, что в замке стало страшно бывать. Дух герцога Арнольда никак не успокоится и продолжает жить в стенах Ангулема. Мало того, что он сам бродит по галереям, так еще и пробудил некоторые другие сущности, которые тоже поселились в замке.

– Если вы не гарантируете безопасность моей жене и детям, я не стану выполнять свою часть уговора.

Улыбка сошла с лица графа, он не ожидал от простолюдина такой заносчивости.

– Я пошутил, Фрай. Все эти рассказы о привидениях не больше чем легенды.

Де Кримон сделал знак рукой, и к нему подбежал конюший, ведя на поводу строевого мардиганца.

– Эта лошадь для тебя, Фрай, – сказал граф, сторонясь разгоряченного жеребца.

Каспар принял повод, похлопал лошадь по шее, успокаивая. Проверил седло и лихо, одним броском, вскочил в него.

Почувствовав наездника, мардиганец пошел боком, встряхнул головой и успокоился. Каспар дал ему шенкеля и, не оглядываясь на графа, поскакал к воротам. Там начали спешно опускать мост, и едва он ударился о противоположную сторону рва, Фрай покинул замок и понесся по дороге на Ливен. Ему предстояло успеть очень многое, а успев, постараться выполнить почти невозможное.

10

Всю дорогу до Ливена Каспару приходилось подгонять мардиганца, тот быстро разобрался, что у наездника нет шпор, и позволял себе лениться.

– Давай-давай, дружок, сейчас не время отдыхать! – уговаривал его Каспар, а сам вспоминал все то, что знал о побережье Студеного океана.

Его познания были не слишком обширны. Еще будучи в Харнлоне в качестве шпиона прежнего герцога, он узнал, что на побережье живут различные поморские племена, а самые большие из них называются тарди и верди. Из-за того, что они часто враждовали, королевскому дому Рембургов легко было с ними ладить – то одни, то другие искали союза с сильным соседом. Вместе с тем северные территории королевства подвергались постоянным набегам поморов. Супруга Ордоса Четвертого Рембурга Анна Астурийская даже предлагала Каспару стать наместником короля в одной из таких беспокойных провинций, с тем чтобы он навел там порядок и был недалеко от ее величества. За это Каспару было обещано дворянство и милости королевы. Тогда он вынужденно отказался, храня верность герцогу.

Каспар снова стал понукать жеребца, присматриваясь к заросшим кустарником холмам; в прежние времена здесь устраивали засады дорожные разбойники. Теперь же у него не было даже кинжала, да что там кинжала – шляпы и той не было. Из низких туч сеял мелкий дождик, и одежда Каспара уже отсырела.

Скоро ожидалось первые заморозки, как-то еще будет работать зимой сооруженный гномом Боло винт? В прошлом году это устройство исправно качало воду в красильню, но кто знает, как будет в этот раз? И как еще справится с надзором герцогский кастелян?

– Да что ж это я, совсем с ума спятил? Моя семья в заточении, а я про красильню думаю! – вслух отчитал себя Каспар, а жеребец, решив, что ругают его, перешел на спорую рысь.

Внезапно он фыркнул, и из-за куста на дорогу выскочил вооруженный луком оборванец. Он с ходу натянул тетиву, Каспар припал к лошадиной гриве, и стрела с шумом пролетела на два фута выше него. Пока разбойник пребывал в замешательстве – ведь он промахнулся с трех шагов, Каспар пустил жеребца прямо на него и каблуком в лоб сшиб злодея на землю.

Остановив коня, он соскочил на дорогу и прислушался. По листьям тихо шелестел дождь, но никаких посторонних звуков слышно не было – видимо, оборванец был один. Мардиганец тоже вел себя спокойно и потянулся к уже начавшей желтеть жесткой траве.

Оборванец застонал, открыл глаза и принялся ощупывать лоб, затем поймал на себе недобрый взгляд Каспара.

– Убьешь? – спросил он, садясь.

– А ты как думаешь?

– А мне теперь все едино. Если жратвы не достану, к вечеру, должно, помру. Ну в крайности – к утру, так что давай, убивай.

Оборванец опустил голову, смиряясь с судьбой. Выглядел он сильно исхудавшим, штаны и надетые одна на другую холстяные рубахи порядком износились и никогда не были стираны. Неумело согнутый лук и несколько кривых стрел валялись в стороне, на поясе висел отточенный обломок кинжала – видимо, им оборванец брился (борода он не носил). Чуть в стороне возле куста лежала грязная холщовая котомка с вывалившимися на траву сухими кореньями.

– И много народу ты загубил на этой дороге?

– Где там, – отмахнулся оборванец. – Я первый день как на промысел вышел и сразу вот – в лоб получил.

Он снова ощупал лоб и надувающуюся на нем шишку.

– А до этого где промыслял?

– На западной дороге, но там мне тоже не везло, только выскочил перед телегой, кобыла-дура возьми да и лягни меня с перепугу. Так мужик соскочил с телеги да оглоблей меня – она у него запасная в телеге лежала. Едва ноги унес, два дня потом в лесу отлеживался. – Оборванец вздохнул. – Не идет у меня разбойный промысел, не приучен я к нему. Да и неудачлив по жизни.

Они помолчали. Оборванец из-под кустистых бровей взглянул на Каспара и спросил:

– Ну так что?

– Что? – не понял Каспар, он снова погрузился в невеселые думы.

– Убивать-то будешь или нет? А то ведь я встану – если мне еще жить придется, так на сырой земле сидеть не надобно.

– Вставай, – сказал Каспар, подобрал лук и поломал об колено.

– Зачем же ты так? – возмутился оборванец. – Жизнь подарил, а инструмента пропитания лишаешь!

– Это не инструмент, а срам один. До города ты и без него дойдешь.

– А чего в городе делать? Там мне никто не подает, а воры, если прознают, что товар с рынка таскаю, прирежут. У них там быстро.

– Быстро, – согласился Каспар, садясь в намоченное дождем седло. – У тебя чего в сумке-то – небось имеются еще харчишки?

Оборванец бросился к забытой котомке, поднял ее и заботливо сложил обратно рассыпанные корешки.

– Это что за коренья у тебя? От болезни, что ли?

– Не обращай внимания. – Оборванец накинуд на плечо сделанный из бечевки ремень и сдвинул сумку на поясицу – подальше от глаз незнакомца.

– Так что ты в ней прячешь? – усмехнулся Каспар, он заметил смущение горе-разбойника.

– Это мои «дела давно минувших дней». Большого не скажу.

– Ну и не надо. Сейчас пойдешь в город, найдешь кабака «Черный дрозд» и будешь ждать меня до самой темноты.

– Зачем это? Меня там судорога голодная скрутит, в «Черном дрозде» потрошка куриные варят, дух идет на всю улицу.

– Так ты зайдешь да покушаешь этих самых потрошков, а потом меня будешь ждать.

Оборванец вновь хотел возмутиться: как это он может откусать потрошков, если у него не то что медяка, куска хлеба черствого уже три дня как в котомке не водилось? Однако заметив в руке незнакомца тугой кошель, замер.

– Вот тебе на пропитание и за службу, чтоб меня ждал.

Каспар бросил монетку, и оборванец ловко поймал ее на лету.

– Серебро, чтоб я сдох! – воскликнул он и тут же попробовал монету на зуб. – Целый рилли! Эх, дурья я башка, ну дурак! Ну дурак! – неожиданно стал причитать он и хлопать себя по макушке.

– Да в чем же ты дурак, ведь целый рилли получил? – удивился Каспар.

– Дак если б я в тебя не промахнулся, теперь бы весь кошелек мой был!

– Дурак, право слово, – усмехнулся Каспар. – Ладно, не спеши. Тебя как звать?

– Лакоб.

– Не спеши, Лакоб, может, у тебя еще серебра и поболее окажется. Дай срок.

С этими словами Каспар хлопнул мардиганца по крупу и поскакал по дороге на Ливен.

– Значит, уговорились! У «Черного дрозда»! – крикнул ему вслед оборванец.

Каспар только махнул рукой.

11

Не останавливаясь возле своего дома, Каспар проскакал по улице Бычьего Ключа и свернул налево, чтобы миновать запруженную в этот час Рыночную площадь.

Он промчался грязными переулками, где жили колбасники и на весь квартал воняло требухой, и выскочил перед самыми Южными воротами – это был самый короткий путь к коневодческому хозяйству Табриция, одного из лучших в округе коннозаводчиков.

На протяжении многих лет Каспар покупал, брал в аренду и содержал в его конюшнях лошадей. Вот и теперь он намеревался воспользоваться его услугами. Пару лет назад Табриций-старший отошел от дел – годы брали свое, и он больше не мог так крепко торговаться, как это делал его сын, но и с ним Каспару приходилось уже иметь дело.

– Здравствуйте, ваша милость! – поклонился Каспару какой-то горожанин.

– Здравствуй, дорогой, – ответил тот, не представляя, что это за человек.

Навстречу попались три телеги с холстом, и Каспар не утерпел, чтобы не спросить:

– Куда холсты везете, ребята?

– На красильню Фрая, ваша милость, – ответил один из возниц.

– А откуда везете?

– С Лицкера, ваша милость.

– Ну везите.

Каспар снова хлопнул коня по крупу и поскакал дальше. В Лицкере, что находился на границе герцогства и владений лорда Кремптона, из местного льна ткали хорошие холсты. Они славились до самого Харнлона, а может, и дальше.

Когда Каспар подъехал к высокому забору владений Табриция, залаяли сторожевые собаки, да так много, что он удивился. Стоявший у ворот охранник с суковатой дубиной тотчас признал гостя и крикнул в приоткрытые ворота:

– Его милость Каспар Фрай пожаловал! – Затем распахнул ворота шире и с улыбкой произнес: – Добро пожаловать, ваша милость.

– И тебе быть здоровым, – ответил Каспар, проезжая во двор.

– А чего же вы без шляпы, ваша милость?

– Дома забыл!

Навстречу дорогому гостю уже спешил молодой Табриций, на ходу застегивая пояс и прожевывая вареную конину – Каспар застал его за обедом.

– Здравствуйте, ваша милость, давненько не виделись!

– Давненько, дорогой.

– Герцогский строевой? – сразу угадал коннозаводчик, кивая на лошадь.

– Он самый, от щедрот его... – Каспар вздохнул. – Лошадки мне нужны.

– Такие же строевые?

– Да, строевые. Чтобы при уздечках, под седлами и с сумами по обе стороны, но масти чтобы неброской.

– Понимаем, – кивнул молодой Табриций и принялся выковыривать ногтем застрявшие меж зубов жилы.

– Почему возьмешь?

– Ну...

Заводчик поскреб затылок. Неловко было задирать цену перед давнишним покупателем, но и продешевить не хотелось.

– По четыре золотых, ваша милость, кони нынче дороги, недавно на севере мор был...

– Хорошо, я согласен.

– Сколько лошадок вам потребуется?

- Думаю, шесть-семь, но на всякий случай держи десяток.
- Добудем десяток, шесть штук у меня сейчас есть, остальных с хутора пригоню. К какому сроку вам надо?
- К седьмому дню.
- Будет сделано. А почему вы без шляпы, ваша милость? Погода нынче сырая.
- Да... – Каспар отмахнулся. – Дома забыл.
- Корша, принеси мою шляпу, ту, что на подоконнике в прихожей! – крикнул молодой Табриций в сторону распахнутой двери, чем снова вызвал переполох среди многочисленных собак.
- Откуда столько собак, раньше вроде не было? – спросил Каспар.
- Дык третьего дня конокрады чуть было не забрались. Одного охранника покалечили, другого ушибли. Еле отбились.
- Выбежала нечесаная служанка, на ходу стряхивая с хозяйской шляпы невидимую пыль.
- Вот, господин Фрай, берите. – Табриций взял у служанки шляпу и передал Каспару. – Такой покупатель, как вы, нам здоровым нужен.

12

Распорядившись насчет лошадей, Каспар отправился на Рыночную площадь и там попытался нанять телегу и двух сторожей. Приехавшие на базар возчики рады были подработать, но везти поклажу в Ангулем побаивались.

– Да ну, хозяин, побьют нас там или в ров скинут, – покачал головой один из отказавших, бородатый мужик.

– Да за что же побьют, милейший? – недоумевал Каспар. – Отдашь мешки да и домой двинешь.

– Нет, хозяин, у герцога солдат полно, а солдат как мужика увидит, так в морду дать норовит. Мы уже ученые.

Среди шумного торжища Каспару все же удалось отыскать того, кто не побоялся поехать в замок. Им оказался возница, доставивший в Ливен воз веников. Торговля у него шла бойко, и товара оставалось совсем немного.

В охранники вызвались пойти двое помощников мясника, их хозяин уже отторговался, и до вечера они были свободны. Сговорившись на рилли для возчика и по семи крейцеров для сторожей, Каспар назвал улицу, описал дом, куда нужно подъехать, и отправился туда верхом, чтобы приготовить мешки с вещами Генриетты и детей.

Взбежав по лестнице и распахнув дверь, Каспар понял, что в спешке они даже забыли запереть дверь. Впрочем, теперь это было не так важно. Спустившись в бельевую комнату, он зажег свечу и свалил в большой мешок все, что попадалось под руку, потом забросил его на плечо, и в этот момент с улицы донесся шум подъезжающей телеги.

Возле двери Каспар остановился и прислушался – в доме было непривычно тихо. Наполнится ли он голосами снова или будет продан как бесхозное имущество?

Вспомнив о шпорах, Каспар достал из сундука свои старые, приладил их на сапоги и, взяв мешок, вышел за дверь.

Когда он спустился по лестнице во двор, снова заморосил дождик. Вытащив мешок на улицу, Каспар передал его двум дюжим мясникам – те забросили его на телегу, а возница заботливо укрыл поклажу чистой рогожей.

– Скажите солдатам, что это вещи для семьи Каспара Фрая, – объяснил Каспар и отдал деньги.

– Доставим в целости, не сомневайся, ваша милость! – пообещал возница и ударил лошадь кнутом, мясники разбежались и запрыгнули на телегу, с собой у них были отесанные дубины.

Каспар постоял немного, глядя им вслед, потом отвязал мардиганца от коновязи и вскочил в седло – ему еще предстояло сделать многое. Семь дней – не так уж много, если под рукой нет подходящей команды, поэтому Каспар решил управиться со всеми приготовлениями, а в оставшееся время заняться поисками людей.

Первым делом он навестил знакомого пекаря и заказал сорок фунтов подсолненных галет, оттуда отправился к мяснику с заказом на сто фунтов соленой свинины. После мясника Каспар нанес визит кузнецам на Оружейной улице и долго препирался с ними, поскольку те не желали делать скидок даже на залежалый товар.

– Железо нынче дорого, господин Фрай, – жаловались они. – А уголь, а дрова? Кирпича хорошего огнестойкого достать трудно – за все дерут денежку.

В конце концов Каспар согласился на их условия, деньги у него имелись в достатке, чтобы заплатить какую угодно цену, и торговался он больше по привычке. Он попросил шесть-семь комплектов лат на людей «обыкновенного склада», небольшие круглые щиты, называвшиеся харнлонскими, и легкие шлемы без височных щитков, с кожаными подкладками.

Заказ был большой, Каспару со всех лавок принесли образцы, чтобы он выбрал подходящее, а чего не было – заказал.

Разобравшись с кузнецами, Каспар покинул их и, держа лошадь на поводу, двинулся дальше пешком – его оружейник, гном Боло, жил недалеко.

13

В мастерской гнома Каспара встретил сын Боло – Вольдерет. За последние двенадцать лет он стал значительно шире в плечах, но отца ростом так и не обошел. Как и в прежние времена, Вольдерет увлекался шашками, однако играл по большей части сам с собой, выкраивая свободное время за счет работы. Боло это не нравилось, и он неоднократно грозился сжечь шашечную доску – обещал, но не делал, доска была полированная, из двух сортов дерева, и стоила денег, а деньги Боло уважал.

– Ваша милость, как же давно вы у нас не были! – воскликнул Вольдерет.

– Отца твоего я чаще видел.

– Я его сейчас позову!

Гном соскочил с высокой гостевой табуретки и, грохоча подбитыми железом башмаками, сбежал в подвальную часть дома, где располагалась мастерская. Сегодня там было непривычно тихо, вместо жужжания сверл и ударов молотков едва слышалось короткое «вжик-вжик», «вжик-вжик».

Вскоре стихли и эти звуки, послышались торопливые шаги, в приемную поднялся сам Боло с забавными стеклянными блюдами на носу.

– А-а, Каспар Фрай пожаловал, – произнес он несколько напряженно. – Неужели с винтом что не так?

– Нет, – успокоил его Каспар. – С винтом все в порядке – воду качает исправно. Я тебе «Железный дождь» принести хочу...

– Вот, я знал! – неожиданно воскликнул гном и захлопал в ладоши. – Я знал! Я надеялся, что этот день когда-нибудь наступит и мои труды не пропадут! Я знал!

Смешные стеклышки упали с носа гнома, но он поймал их и, протерев большим клетчатым платком, водрузил на место.

– Это что у тебя? – спросил Каспар.

– Где, ваша милость? – спросил гном, расплываясь в радушной улыбке.

– На носу. Что за стеклышки?

– Ах вот вы о чем! Это очки, такое специальное приспособление для мастеров по тонкой работе. Это мне родственники привезли из-за южных морей, там очень умные гномы. – Боло вздохнул. – Не нам чета.

– Понятно, – произнес Каспар, так ничего и не поняв. Впрочем, он давно отчаялся понимать гномов и принимал их обычаи и повадки как должное.

Боло снял «блюда», завернул в платок и убрал в карман кожаного фартука.

– Ваша милость, у вас есть возможность получить страшное-престрашное оружие необыкновенной силы! И всего за... пятьсот дукатов!

– Пятьсот дукатов?! – переспросил Каспар. – Да за пятьсот дукатов я найму двести человек пехоты и стану у них бювардом. Зачем мне за пятьсот золотых какое-то оружие? Экий ты глупый гном сделался, Боло, должно, это от старости.

Боло спокойно перенес вспышку гнева постоянного и богатого клиента, а затем сказал:

– Ваша милость, а давайте я покажу вам эту штуку в действии и вы сами решите, стоит покупать столь дорогую вещь или лучше обойтись двумя сотнями пехоты?

Гном был хитер. Гном был очень хитер, и Каспар это понимал, но не мог отказаться от возможности посмотреть на очередное чудо-оружие Боло, тем более что в прежние времена гном никогда не обманывал его ожиданий.

– Изволь, – кивнул Каспар. – Неси свое оружие, но покупать его я не буду, даже не проси. А поглядеть – изволь, я готов.

И Каспар со скукой на лице уселся на высокий табурет.

– Сию минуту все вам доставим, господин Фрай, вы пока отдыхайте, – медовым голосом произнес Боло и, утерев нос замасленной ладошкой, убежал в мастерскую.

Каспар вздохнул. Правильно ли он поступил, поддавшись на уговоры гнома? Тот затребовал целую кучу золота, и этому не следовало потворствовать, поскольку... Но тут до Каспара дошло, что экономить золото больше ни к чему. Если он не выполнит условие молодого герцога, то погубит свою семью и потерю эту уже не возместить всем золотом мира. А значит, следовало хвататься за любую соломинку – кто знает, может, именно новая машинка Боло и даст ему перевес в какой-то решающей битве.

Послышались торопливые шаги, и в сопровождении Вольдерета в прихожую – она же демонстрационный и испытательный зал – вошел Боло. Он был серьезен и торжественен и даже снял по такому случаю засаленный фартук, оставшись в просторной ситцевой рубаше.

Поставив на пол продолговатый короб, Боло распрямился и, указав на таинственный груз, сказал:

– Над этой штукой, ваша милость, я работал три года. Вы должны понимать, что значит для гнома работать, не имея гарантий на оплату труда. Железо, точильные круги, сверла – все стоит денег. И каких денег, мамочки мои! – Гном театрально вскинул руки. – Но старый Боло, скажу я вам, ничего не мог с собой поделывать. Мне не платят, а я работаю. Мне снова не платят, а я опять работаю. Чтоб я так жил, как я работаю, господин Фрай. Но засела во мне идея – сделать, и все тут, как будто я не гном, а человек какой-нибудь. Наверное, я слишком долго живу среди людей, скоро небось и вино пить начну, как люди – помногу и по любому поводу. – Боло перевел дух и хитро улыбнулся. – Вы скажете, господин Фрай, и чего он такой болтливый, этот Боло? Чтоб он так жил, как он болтает, да? Простите старого Боло, у него сегодня праздник – господин Фрай соизволил посмотреть на плоды его бесплатных трудов. Теперь я готов их показать. Вольдерет, тащи доски, будем показывать все возможности!

Вольдерет уже тащил сбитые из двухдюймовых дубовых досок щиты, испещренные отметинами от прежних испытаний. Доставив два, он бегом вернулся в мастерскую за другими, а Каспар с удивлением наблюдал за тем, как Боло торопливо развешивает принесенные щиты на специальные крючья.

– Раньше хватало одного-двух щитов, а теперь ты повесил целых четыре, – заметил он.

– Все в свое время, ваша милость, – хитро улыбаясь, ответил Боло и снял с коробки крышку, но это не прояснило ситуацию – под крышкой оказалось что-то укрытое замшей. Выдержав театральную паузу, Боло, словно занавес, отбросил последние покровы и достал из ящика совершенно ни на что не похожую машинку.

– Вот! – объявил он. – Это плод моего трехлетнего труда.

– Почему же у нее только одна трубка? Это значит, что дротик всего один, а размерами эта штука вдвое больше «Железного дождя».

– Ну так уж и вдвое, – не согласился гном. – Ну разика в полтора – это да, ну и тяжелее ненамного, зато обратите внимание на действие... Вольдерет, помоги!

Вольдерет подбежал к отцу, и специальным ключом они вдвоем стали заводить пружину, укрытую в блестящей «сковородке» – другого названия для этой детали Каспар придумать не мог.

– Пружина... очень тугая... – в процессе завода пояснял гном. – Это вам не белая сталь, это сталь голубая... Ух-х!

Завод продолжался минуты три, потом раздался щелчок – пружина была свернута до предела.

– Во-от, – протянул Боло, смахивая со лба пот. – Много силы берет пружинка, но и отдает без остатка.

Достав из короба еще одну деталь, похожую на квадратное полено, Боло вставил ее в стреляльную машинку снизу, отчего в ней что-то лязгнуло.

- Ну что, ваша милость, готовы? – спросил с улыбкой Боло, наводя оружие на щиты.
- Ну... – Каспар пожал плечами. – Я давно готов.
- Тогда смотрите.

И тут неожиданно для Каспара машинка в руках гнома затряслась, затрещала, и по дубовым щитам что-то дробно застучало, как будто кто-то часто колотил по ним деревянным молотком.

Тра-та-та-та-та-та-та, тра-та-та-та-та-та-та – и молчок, все прекратилось. Онемевший Каспар смотрел на щиты, испещренные вонзившимися в них дротиками – их были десятки!

- Сколько же дротиков ты выстрелил, Боло? – спросил он, придя в себя.
- Ровно сорок, ваша милость, – улыбаясь ответил гном. От него не укрылось, что демонстрация оружия произвела на Каспара Фрая неизгладимое впечатление.
- Сорок дротиков... – повторил Каспар. – Это что ж выходит – ты один мог расстрелять целый отряд?

– Ну если бы я научился хорошо стрелять, то да, конечно. Вот тут, кстати, есть специальный медный краник, если он повернут вниз – будет стрелять по одному дротику, а если поднять – дротики пойдут цугом, один за другим.

- Покажи мне дротики, я хочу на них посмотреть.

Стоявший наготове Вольдерет подскочил к ближайшему щиту и, надергав полдюжины дротиков, поднес их Каспару.

– Ишь ты, – покачал тот головой. – Навроде шила четырехгранного. Это чтобы латы лучше резать?

– От вас ничего не утаишь, ваша милость, – улыбаясь еще шире, сказал Боло. – Как вы сами видите, дротики пришлось делать легкие, деревянные. Стальной только наконечник, а дерево – береза, в рыбьем клее варенная, теперь она крепче кости.

- А зачем у них сзади медный поясок?
- Сюда бьет погоняло железное, это чтобы не расщепить.
- Понятно.

Каспар взвесил на руке дротик, он был в несколько раз легче стальных дротиков «Железного дождя», однако по своему опыту Каспар знал, что легкая быстрая стрела может пробить доспехи или щит вернее, чем тяжелая.

– А что это там за ореховые скорлупки? – спросил Каспар, указывая на рассыпанный под щитами мусор.

- Это сургуч, ваша милость, – пояснил гном.
- Сургуч? Зачем сургуч?
- А затем... сейчас покажу.

Забыв про Вольдерета, Боло сам подскочил к коробу и, достав из него простой ларец, поднес к Каспару.

– Вот, – сказал он, открывая крышку ларца и доставая один из лежащих в нем дротиков – на конце его четырехгранного жала находился сургучный шарик величиной с горошину. – Это чтобы жалом не царапал.

- Чтоб не царапал, говоришь?
- Вот...

Боло отстегнул от стреляльной машинки квадратное полено, и оказалось, что внутри оно полое.

– Сюда я вставляю дротики, ваша милость, видите? Донышко тоже на пружине, оно потом эти дротики подает наверх.

- Как называется эта штука, куда дротики складываешь? Сундук?
- Я предпочитаю называть ее лавкой. Лавка.

– На западе гномы давно лавки магазинами называют, – вмешался Вольдерет. – Назовите ее лучше магазином.

– Да, – согласился Каспар. – Магазин звучит лучше.

Боло заложил десять дротиков в магазин, вставил его в стреляльную машинку, затем взял ключ и завел пружину.

– Вот, извольте теперь попробовать сами, ваша милость.

Каспар осторожно принял машинку, оценивая ее вес. Выхватить ее на скаку или в бою, как он это делал с «Железным дождем», конечно, не получится, но если враги идут стеной...

– Ты как выставил – цугом стрелять или по одной?

– А вы как пожелаете?

– Давай цугом.

– Цугом – значит, цугом, – ответил гном и слегка повернул вверх торчавший сбоку медный краник. – Прошу вас.

Каспар поднял оружие и дернул арбалетную скобу. Машинка бодро отстучала десять раз, и все дротики кучно вонзились в дубовую доску. По полу запрыгали кусочки сургуча.

– Ну что скажете, ваша милость? – спросил Боло. Он понимал, что клиента нужно дожимать, пока тот не остыл.

– Пятьсот дукатов я тебе не дам, – сказал Каспар.

– А сколько дадите? – с фальшивой смиренностью поинтересовался гном.

– Четыреста пятьдесят.

– А четыреста семьдесят?

– Сколько даешь дротиков?

– Двести штук!

– Хорошо – по рукам, давай бумагу и чернила, напишу распоряжение в банк Буклиса.

Словно из-под земли вырос Вольдерет с бумагой, чернильницей и коробочкой с песком для присыпки.

– Извольте, ваша милость, – произнес он, расставляя приборы на столе.

Каспар положил оружие на стол, выписал вексель и, расписавшись, поднялся, а Вольдерет стал проворно посыпать сырые чернила песком.

– А что мне делать с «Железным дождем»? – спросил Каспар у Боло.

– А? – Гном не сразу услышал. В его воображении вексель уже был кучей золота, и это обстоятельство заставляло Боло испытывать приятное волнение. – Ах, с «Железным дождем»? Ну с ним можно делать что угодно, если он вам не нужен, принесите мне, я продам его кому-нибудь и возьму за это совсем небольшой процент.

– Наверное, я так и сделаю, – вздохнул Каспар. – А это чудо-оружие сами доставьте ко мне...

– Когда изволите получить?

– Пока пусть у вас побудет, а как понадобится, я вас извещу.

– Как вам будет угодно, господин Фрай.

Когда за лучшим из клиентов закрылась дверь, Боло вскинул руки в жесте победителя и произнес:

– Сожри меня огры, Вольдерет, мы это сделали! Ну разве твой папа не самый умный гном, а?

– Папа, мне нравится девушка.

– Что? – Боло медленно опустил руки, ему показалось, что он ослышался. – Что тебе нравится?

– Мне девушка нравится, папа. Мне жениться пора.

– Ты хотел сказать, тебе нравится глинка? Но единственная глина подходящего возраста живет в сорока милях на север, ты с ней никогда не виделся.

– Я сказал не глинка, я сказал – девушка.

– Ты с ума сошел, Вольдерет! Ты сошел с ума, но твой папа все еще при своем уме – где ты видел, чтобы гномам нравились человеческие девушки? Ты понимаешь, как ужасно вы будете выглядеть вместе? Мой дорогой сын и какая-то дылда!

– Она не дылда, папа, она дочь кожевника Филидора, ее зовут Эми, и она выше меня всего на два дюйма. Такой разницы никто и не заметит.

– Она лилипутка, Вольдерет, она ненормальная! И потом, ты разве не знаешь, что от брака человека и гнома не бывает детей?

– Я знаю, папа, я и это уже обдумал, мы возьмем на воспитание мальчика, какого-нибудь сироту. Я назову его Ливенгул – Белый Великан, и это будет первый высокий гном.

– Вольдик... – В голосе Боло послышались умоляющие нотки. – Вольдик, ты пугаешь своего папу. Для кого я складываю дукат к дукату, если мои внуки будут людьми? Вольдик!

14

Подрабатывающий у гномов сторожем рослый, но глуповатый сын одного из кузнецов придержал для Каспара коня, но тот, едва поставив ногу в стремя, передумал садиться.

– Вот что, давай я оставлю лошадь здесь, вот тебе пять крейцеров. – Каспар сыпал монетки на широкую, как лопата, ладонь сторожа. – Напой его и дай пару соленых корок – ячменя не давай. И прикрой попоной, если дождь усилится, а я за ним позже зайду.

– Бу сделано, ваш милсь. Бу сделано, – закивал детина, глупо улыбаясь.

Каспар похлопал мардиганца по шее и, поправив шляпу, зашпешил по Оружейной улице в сторону центрального квартала, где находился кабак «Черный дрозд». Он появился на месте прогоревшей четыре года назад чайной и стал новым местом, где так же, как в «Бешеном осле», собирались наемники и просто проезжие убийцы.

Часы на городской башне пробили шесть часов, и Каспар надеялся встретиться у кабака с недавним знакомцем – Лакобом. Каспар был уверен, что оборванец станет ждать его.

«Потемнел город, посерел», – про себя заметил он. Низкие тучи проносились над самыми крышами, солнце тщетно пыталось пробиться сквозь них и обнаруживало свое присутствие лишь белыми бороздками на границах туч.

– Тварь! Собака! – кричал пошатывающийся мужчина, преследуя испуганную женщину с бельевой корзиной в руках. – Все равно задуш-шу!

Редкие прохожие сторонились грубияна, боясь попасть под его кулак. Каспар перехватил пьянчугу и прижал к стене дома.

– Уходите, женщина, уходите, я его придержу!

– Ты кого... ты кого руками хватаешь?!

Пьяный попытался ударить Каспара, но тот больно ткнул хулигана пальцем в ребра.

– Уй! – вскрикнул тот, и рука его повисла.

– Не надо, ваша милость! – неожиданно попросила женщина с корзиной.

– Да беги же, тебе говорят, пока я его держу! – рассердился на нее Каспар.

– Это муж мой, ваша милость. Отпустите его, пожалуйста. – Женщина заплакала.

Каспар, опешив, отпустил грубияна. Кто-то из прохожих захихикал:

– Помощничек выискался...

«И правда, чего это я?» – сказал себе Каспар и пошел дальше, а по улице снова неслось: «Тварь! Собака! Все равно задуш-шу!»

«Никаких драк, ни при каких обстоятельствах, все эти годы я жил спокойно, буду и впредь вести себя так же, – наставлял себя Каспар. – А вот с приказчиками сегодня встретиться не смогу, это плохо...»

За следующим углом показался фасад «Черного дрозда». У коновязи стояли две лошади, а возле стены ожидал угрюмый Лакоб. Он не выглядел ни сытым, ни довольным.

Каспар подошел ближе, из кабака действительно тянуло супом из куриных потрошков.

– О, благодетель мой! – закричал Лакоб, заметив Каспара. – Насилу дождался я вас, деньги вы мне дали – а что толку, они, – он кивнул на заведение, – выгнали меня и обещали побить!

– Так что же ты не поел в другом месте? – удивился Каспар.

– Я же обещал вас здесь дожидаться, разве я могу уйти, не сказав?

Каспар покачал головой. Не часто ему попадались такие люди, а уж среди оборванцев и вовсе.

– Ну ладно, пойдем внутрь, со мной тебя пустят, мне тоже захотелось супчику из куриных потрошков, уж больно хорошо он пахнет.

– А вы точно не боитесь, ваша милость?

– Нельзя мне бояться. Идем.

Едва Фрай и его новый знакомый показались в «Черном дрозде», от углового, стоявшего на возвышении столика кто-то крикнул:

– Эй, ты, ур-род бритый, тебе сказали в навозе торчать! Жить надоело, ублюдок?!

– Спокойно, ребята, он со мной, – ответил Каспар, делая рукой умиротворяющий жест. – Эй, хозяин, нам две большие миски супа с потрошками!

Кабатчик не двинулся с места, косясь на угловой столик.

– Да ты чего, мужичонка, на свои потроха посмотреть хочешь? – крикнули из-за стола, и двое воров вскочили со своих мест. В руке одного блеснул кинжал.

– Ой! – вскрикнул Лакоб, пятась к двери в обнимку с котомкой.

Оба вора разом бросились на Каспара, но один сразу получил сапогом в голень и сложился пополам, второй сделал выпад кинжалом, но Каспар перехватил его руку и коротко ударил головой в лицо.

– Ах, так ты поднял руку на Липтона! – заорал третий вор, запрыгивая на стол.

Каспар поддел ногой стул, и тот, словно пущенный из пращи снаряд, ударил кричавшего в лицо. Сшибленный вор с грохотом обрушился на стулья и соседний стол, заставив вскочить еще нескольких человек. Однако броситься на Каспара никто не решился, трое пытавшихся это сделать уже лежали на полу.

«Вот тебе и никаких драк», – мысленно посетовал Каспар, поднял с пола шляпу и, поймав на себе внимательный взгляд хозяина, повторил:

– Две большие миски, пожалуйста, вот туда – к свободному столику.

– Сию минуту принесу, ваша милость! – подобострастно мотнул головой кабатчик и побежал лично собирать заказ.

– Кто таков? Кто это? – загудели другие воры.

– Это ш Кашпар Фрай, придурки! – громко объявил седой спившийся вор и засмеялся, демонстрируя отсутствие передних зубов. – Давно не виделиш, Проньра!

Он отсалютовал Каспару пустой пивной кружкой, тот в ответ помахал рукой. Когда-то, много лет назад, этот седой с подельщиками напал на Каспара на улице. Двоих он положил мечом, а этого почему-то пожалел, ударив рукоятью и попав по зубам.

Появился хозяин и стал расставлять принесенный заказ.

– Нам еще лепешек, свинины с луком и пива, что потемнее.

– Будет сделано, – поклонился хозяин. – Что-нибудь еще?

– Да, вон тому – седому, бутылку хереса и тоже свининки.

– Хереса? – переспросил кабатчик, поражаясь щедрости гостя.

– Да, скажи – от меня. И тем, пострадавшим. – Каспар повернулся посмотреть, как пришедшая в себя троица сползается к столу. – Принеси им тоже бутылку хереса, скажи, что от меня и что я сожалею о случившемся.

15

Лакоб старался держаться достойно, однако голод давал о себе знать, и время от времени оборванец начинал лихорадочно стучать ложкой, но затем снова брал себя в руки, вытирал с подбородка капли бульона и продолжал есть, сохраняя достоинство.

Он съел две большие миски супа с потрошками, но от третьей отказался, хотя Каспар видел, что он может съесть и еще.

– Мне случалось голодать и наедаться потом до колик. Лучше обожду немного, – пояснил Лакоб. Он поминутно проверял лежавшую на коленях сумку, как будто хранил в ней нечто очень ценное. Каспар решил, что расспросит о ее содержимом позже.

Они выпили пива, Каспар повернулся к ворам – тем, которых сначала побил, а после одарил хересом, и отсалютовал им кружкой, те вяло ответили, видимо, еще не оправившись.

– Я так понимаю, ваша милость, вы меня на дороге еще пожалели, – сказал оборванец.

– Пожалел, – кивнул Каспар, отставляя недопитое пиво. Прибежал хозяин, торопливо собрал посуду и поставил две порции жаркого – свинину с луком.

– Эх, такое мне даже и не снилось! – радостно вздохнул Лакоб, не решаясь притронуться к горке переложенных тушеным луком румяных кусочков с прожилками прозрачного сала. – Я сейчас ужас какой голодный!

– Признаться, и я тоже, – сказал Каспар.

– Правда? А ты вроде домашний, ухоженный.

– Домашний, – Каспар грустно улыбнулся. – Просто давненько не ел в трактирах мяса, правда, чай пил почти каждый день.

– Чай тоже неплохо, – по-своему истолковал слова благодетеля Лакоб, подхватывая пальцами жирные куски.

– Ты, я вижу, не дурак и не грязь придорожная, в какую превращаются многие из твоих собратьев. Хочешь поработать со мной?

– Конечно, хочу, – сразу согласился Лакоб. – Ты ведь небось и денег заплатишь?

– Конечно, заплачу. И деньги будут, и еда за мой счет.

– А что делать нужно?

Каспар покосился на стол обиженных им воров, они о чем-то перешептывались, очевидно, о нем. Затевать с ними войну Каспару теперь было не с руки, но кто ж знал, что они сразу кинутся. Знай он, что здесь такие лютые сидят, увел бы Лакоба в другое место.

– Нужно съездить со мной в другой город.

– Далеко?

– Пара недель пути.

– Ух ты! – бродяга присвистнул. – Не близко!

– А у тебя здесь дела? – усмехнулся Каспар.

– Нет, никаких дел у меня не имеется. Мои дела – пожрать да поспать чтобы не в луже.

– Значит, договорились?

– Конечно. А когда ехать?

– Думаю, на следующей неделе. Я дам тебе еще три рилли, сходишь завтра в помывочную. Знаешь, где это?

– Знаю.

– После помывочной тебя в баню пустят, только одежду купи новую и сапоги. Да смотри, чтобы не обворовали.

– Да уж присмотрю, ваша милость, я уже ученый. Только я не пойму, зачем мне мыться?

– С завтрашнего дня тебе лучше поселиться в «Коте и Ботинке».

– В гостинице?

Лакоб даже опасливо огляделся, словно Каспар предложил ему что-то неприличное.

– А чего ты так испугался? – удивился он.

– Я никогда не жил в гостиницах.

– В этом нет ничего сложного. Кстати, ты не знаешь, где в городе могут собираться наемники?

– Наемники? Убийцы, что ли?

– Можно и так назвать, – неохотно согласился Каспар.

– Бывают и в «Бешеном осле», и «У пруда».

– Ладно, давай заканчивать...

Каспар подозвал трактирщика, расплатился и под недобрыми взглядами местных завсегдатаев выводил Лакоба на улицу.

– Куда теперь пойдешь, ваша милость?

– На Оружейную, у меня там лошадь осталась.

– А я тебя провожу. – Бродяга не заметил, как перешел на «ты».

– Давай, – пожал плечами Каспар.

Некоторое время они шли молча, затем Каспар спросил:

– Ты котомку свою все время обнимаешь – у тебя в ней артефакт магический?

Реакция Лакоба была неожиданной – он отпрыгнул к стене скобяной лавки и большими, полными ужаса глазами уставился на Каспара. Тот уже и не рад был, что взялся пошутить.

– Ты кто таков будешь?! – воскликнул бродяга.

– Успокойся, друг, я просто пошутил, уж больно ты трясешься над драной котомкой, вот я и ляпнул, что на ум пришло. Это все из-за пива, оно хоть и горькое да мутное, зато в голову крепко дает. Идем...

И, демонстрируя безразличие к состоянию Лакоба, Каспар как ни в чем не бывало пошел дальше. А тот, преодолев замешательство, через некоторое время последовал за ним. Вскоре они поравнялись.

– Если не хочешь, я про твою сумку больше не спрошу, – сказал Каспар.

– Да уж, лучше пока не спрашивай. Может быть, потом я сам тебе все расскажу. – Лакоб вздохнул. – Мне скрывать нечего.

Вместе они дошли до мастерской Боло, где Каспар взял лошадь и заодно прихватил стреляльную машинку. Коробку приторочили к седлу, и Каспар повел мардиганца на поводу, Лакоб увязался за ним дальше.

Когда пришли к дому, Каспар не стал прогонять бродягу. Привязал мардиганца под навесом, снял уздечку, седло, напоил его и насыпал в торбу овса.

– Ты можешь заночевать в столярном сарае, – сказал Каспар. – Там возле верстака много стружек – будет мягко.

– Спасибо тебе, ваша милость, хороший ты человек.

– Да и ты вроде на что-то годишься, – улыбнулся Каспар и, уже поднявшись по лестнице, добавил: – Нужник вон там – в углу.

– Спасибо, ваша милость. А домашний-то нужник небось с выгребной ямой?

– Да, с ямой, – подтвердил Каспар, удивляясь такому интересу гостя.

– Уважаю я дома, где люди уют ценят.

– Спокойной ночи.

– Дык светло еще!

– А я больше не выйду.

Каспар отпер ключом дверь, вошел в дом и, закрывшись, уселся прямо у двери на пол. Здесь все было как прежде, тот же крепкий и надежный дом, но пустой – почти мертвый. Что там с Генриеттой и детьми? Ладно ли все? Хорошо ли к ним относятся?

Каспар почувствовал, как по щекам текут горячие слезы.

«Стар стал – плачу», – сказал он себе и, поднявшись, перенес короб с со стреляльной машинкой в гостиную. За окнами стемнело, пришлось зажечь свечи.

Каспар сходил на кухню: в теплой еще печи в соусе дожидался тушенный с овощами окунь. И он, хотя был сыт, посчитал необходимым попробовать хоть кусочек, ведь Генриетта старалась, готовила рыбу для него и деток.

Почувствовав, что давится, Каспар запил окуня водой, но спазм не проходил.

– Соберись, Фрай, ты же не баба! Соберись! – скомандовал он себе и, подхватив свечу, спустился в арсенальную, откуда вынес в гостиную меч и «Железный дождь».

Вытащив оружие из чехлов, он погладил лезвие меча – это была копия того, который Каспар почти загубил в походе по Синим лесам. Там прежнему мечу пришлось столкнуться с магической красной сталью, он сильно пострадал, но хозяина спас, пришлось потом сделать по его подобию новый.

А вот «Железный дождь». Он неоднократно выручал в те моменты, когда неприятелю уже казалось, что он одолевает Фрая и его отряд. Острые дротики как молнии разили врагов и поселяли среди них панику.

Решив взвести пружину, Каспар вставил в гнездо ключ и начал его крутить. Один поворот, второй, третий, затем раздался неожиданный щелчок, и ключ стал свободно проворачиваться – пружина сломалась. Каспар слегка потряс оружие, внутри него что-то гремело и перекатывалось, складывалось впечатление, что механизм «Железного дождя» полностью разрушен.

– Прости, – сказал Каспар, убирая умершее оружие в чехол.

«Железный дождь» не вынес появления нового собрата – этого следовало ожидать.

– Прости, – еще раз произнес Каспар и погладил запыленный чехол.

16

На следующее утро Каспар отправил Лакоба мыться и покупать одежду, а сам оседлал мардиганца и поехал через город к северным воротам. Он собирался осмотреть дорогу и порасспросить местных жителей об Аркуэноне. Хотя он и слышал об отъезде эльфа, но мало ли что, может, вернулся. Каспар остро нуждался в надежных помощниках, а из тех, кто теперь наводнял бывшие наемнические трактиры, выбирать было нечего.

Когда он миновал город и выехал из ворот, выглянуло солнце, Каспар расценил это как добрый знак. Вскоре облака разошлись совсем, и осеннее солнце стало припекать. Каспар снял шляпу и расстегнул суконную куртку, а ехавшие на подводах в город крестьяне парились в зимних малахаях, они не признавали переходных сезонов вроде осени и весны, надевая зимнюю одежду после первых заморозков.

Проехав около пяти миль, Каспар свернул налево, к большому и старому хутору. Хозяева оказались дома. Поначалу бородатый мужик не понял, о чем спрашивает этот городской господин, но потом закивал, дескать, жил где-то неподалеку оборотень, но его поймали и сожгли. Ни о каких эльфах он никогда не слыхивал.

Вернувшись на дорогу, Каспар проехал еще миль восемь, сворачивая к каждому хутору, но там либо не слышали об эльфах, либо вспоминали того же оборотня и начинали в подробностях расписывать, как его загоняли, как подвешивали на крюк, но Каспара это не интересовало.

Вернувшись в город ни с чем, он вспомнил, что с самого утра ничего не ел, и заехал в «Вазу», единственное приличное заведение города, куда не пускали воров. В «Вазе» были высокие цены, поэтому здесь появлялась только достойная публика.

Сделав заказ, Каспар огляделся. В трактире почти ничего не изменилось, и это ему понравилось – он ценил постоянство.

Съев перепелиный суп и почувствовав, что насытился, Каспар сразу заказал десерт. Потом расплатился и вышел на улицу; охранявший лошадь сторож подвел мардиганца к хозяину и получил за это два крейцера.

Каспар посмотрел на небо – облаков прибавилось, но погода все еще была хорошей. Дав мардиганцу шенкеля, он поскакал к Рыночной площади, чтобы проехать через нее к южными воротам – сегодня он собирался поговорить о своем отъезде с приказчиками.

К трактиру Каспар приехал чуть раньше обычного, поэтому приказчиков еще не застал. Заказав традиционный чай, он стал помешивать его фаянсовой палочкой, раздумывая, в каком облике отправляться в новый поход. По всему получалось, что до Харнлона, а может, и дальше следовало идти под видом купцов. Это сработало один раз, может сработать снова, тем более что теперь и прикидываться не нужно, он возьмет товар с собственного склада и повезет на север.

Неожиданно раздался грохот, Каспар вскочил, схватившись за висевший на поясе кинжал – теперь он не ходил безоружным, впрочем, тревога оказалась напрасной, со своего стула свалился нетрезвый посетитель – хорошо поторговавший купец.

«И сколько он казны домой довезет при таком поведении?» – подумал Каспар, садясь на место. Прислуживающий в трактире подросток подскочил к упавшему и с трудом вернул его на место, тот даже толком не понял, что случилось.

Скрипнула дверь, и в трактир один за другим вошли приказчики Каспара.

– Добрый вечер, хозяин! Доброго вам здоровья, – приветствовали они его.

– И вам доброго здоровья, – как всегда, ответил он. – Присаживайтесь.

Приказчики сели и стали доставать из кожаных сумок учетные свитки. Трактирный прислужник по давно заведенной традиции принес кружки для заварки чайной травы. Пока он расставлял их и разливал кипяток, все молчали, когда ушел, начались разговоры о том, как

работает красильня, кто из рабочих заболел и не воруют ли. Затем обсудили остаток сырья на складах и наличие готового товара – крашеной пряжи и холстов. Лишь после этого Каспар рассказал о том, что уезжает.

– Надолго? – спросил Патрик, заведовавший красильней.

– Недели на три, – сказал Каспар, хотя не был уверен, что обернется так быстро.

– Ну это мы как-нибудь перетерпим, – сказал Луцвель.

– Да, перемогем, – подтвердил Клаус.

– Это еще не все, – заметил Каспар. – Во время моего отсутствия вместо меня с вас станет спрашивать герцог.

Приказчики переглянулись, им показалось, что они ослышались.

– Вы имеете в виду нового герцога? – спросил Патрик.

– У нас сейчас один герцог – Бриан Тугторт Ангулемский.

– Но, хозяин, не хотите же вы сказать, что герцог лично будет спрашивать с нас? – осторожно поинтересовался Луцвель.

– Нет, лично не станет, но его человек будет сюда наведываться ежедневно.

Каспар поглядел на притихших приказчиков, теперь-то уж им точно не придет в голову воровать в отсутствие хозяина.

Попрощавшись с ними, он покинул трактир и, взобравшись в седло, поехал в город, чтобы попытаться подыскать себе людей. Ему пришлось объехать весь Ливен, побывать на бедняцкой Рыбной улице, заглянуть в «Золотое колесо», где собирались мастеровые гномы, пересилив брезгливость, зайти в «У пруда», а затем дать пинка воришке, пытавшемуся увести мардиганца. И все тщетно.

Не дало результата и посещение «Бешеного осла». Там среди прочих Каспар застал троих воров – тех самых, которых поучил уму-разуму в «Черном дрозде». Поймав на себе их настороженные взгляды, Каспар направился напрямик к их столику. Взял свободный стул, подсел без разрешения и подскочившему кабатчику приказал принести самого лучшего хереса и стеклянную посуду – чтобы наливать не в кружки. Когда тот убежал, Каспар перевел свое внимание на троицу воров.

– Здравствуйте, добрые воры.

– И тебе не кашлять, Каспар Фрай, – ответил за всех тот, что вчера получил головой в лицо. Любого другого от такого удара перекосило бы на неделю, но у этого субъекта испортить внешность было уже невозможно – она была испорчена ударом кистеня.

– Значит, знаете теперь, как меня звать?

– Теперь знаем, – захихикал тот, которому досталось стулом, у него не доставало передних зубов.

– Прищемись, Пустой, – приказал ему вор с уродливым лицом, и щербатый сейчас же замолчал.

– Нам про тебя Гвоздь рассказал, как ты его пожалел когда-то. Дружков его порешил, а Гвоздя жить оставил – зачем, интересно?

– Работа у меня была такая, стрелять да рубить. Надоело, вот и пожалел.

Прибежал кабатчик с помощником. Вдвоем они убрали объедки, расставили на столе высокие стеклянные бокалы и в середину поместили херес в бутылке из черного стекла.

– Ух ты, красотища-то, а, Кучер? – снова не удержался Пустой. – Я из таких и не пил никогда!

Но его проигнорировали. Каспар ждал новых вопросов, а Кучер соображал очень медленно.

– Ты нам бутылку в «Дрозде» послал, но зачем? Непохоже, чтоб испугался, не из таковых ты.

– Просто я не люблю драк и, даже когда приходится ударить, не очень этому радуюсь. И бутылку вам послал с извинениями, чтобы у нас больше драк не было, тем более что и делить нам нечего. Дело у меня к вам есть, а потому предлагаю выпить. Не возражаете?

Пустой и второй вор выжидательно смотрели на изуродованное лицо Кучера.

– Не возражаю, – сказал тот, и Каспар разлил весь херес по четырем высоким бокалам. Вся троица заворуженно смотрела на искрящийся за тонким стеклом херес.

– Ну, – Каспар взял бокал, – вы мое имя знаете, я узнал Кучера, Пустого, а как третьего кличут?

– Швыра я! – осклабился третий вор и осторожно, двумя пальцами взял свой бокал.

– За мир и сотрудничество, господа воры! – сказал Каспар, глядя на Кучера.

– Не возражаю, – ответил тот, и все выпили.

Когда поставили бокалы, Швыра чмокнул губами и покачал головой:

– Прямо мед настоящий, а нам кабатчик всегда какую-то червивку подает.

– Дурень, этот херес серебра стоит, а у нашего брата не всегда его полные карманы, – пояснил ему Кучер. Он медленно перевел взгляд на Каспара. – Какое у тебя к нам дело?

– Мне компаньоны нужны для одного дельца.

– Дык мы готовы! – воскликнул опьяневший Пустой и тут же получил от Кучера тычок под ребро.

Каспар сделал вид, что ничего не заметил, и, подозвав кабатчика, заказал гусиной печенки и еще одну бутылку хереса.

– Понимаешь, Каспар Фрай, – издалека начал Кучер, – нам о тебе много чего рассказывали, что лихой ты был рубака, вора́м спуска не давал, но и не обижал без надобности. Однако ж и плохого тоже наговорили.

– Да ну? – Каспар сделал вид, что удивился. – Чего же плохого-то?

– Говорили, будто ты своих кончал и с золотишком один возвращался.

Воры уставились на Каспара, ожидая, что он скажет.

– Случалось, что возвращался я один, дело-то рискованное – приходилось ходить и к степнякам, и кое-куда похуже, но всегда, заметь, Кучер, всегда я относил вдовам и безутешным матерям заработанное их парнями серебро. У меня был такой порядок. – Каспар прихлопнул по столу ладонью. – Живой ли, мертвый ли, а деньги положенные нужно отдать. На Рыбной улице до сих пор живы старухи, которым я за сыновей серебро приносил, – можете спросить, они вам расскажут. Да и не за золотом я ездил, а за разными древними свитками, которые только герцогу нашему и годились, он был чудной человек, я его нужды в этих свитках не понимал.

Пришел кабатчик, принес гусиную печенку и новую бутылку хереса. Каспар стал разливать его по бокалам, радуясь, что туповатый Кучер по-своему понял некогда предъявлявшиеся Каспару обвинения. Завистники обвиняли его не в укрытии добычи, а в том, что он, якобы пользуясь колдовскими методами, получал удачу и неуязвимость, расплачиваясь жизнями нанятых людей.

17

После того как допили вторую бутылку, Каспар и сам немного захмелел, однако он знал, что может контролировать себя и вести разговор.

– Ты Пустого не слушай, – говорил Кучер. Его разукрашенное рубцами лицо покраснелось и стало еще страшнее. – Он сейчас горазд обещать, но мы никуда из города деться не можем, дела у нас тут. Правда, есть один кореш – Красавчик, вроде смелый вор и люди у него есть, а все равно – не при делах он. То войну на улицах затеет, то начнет стражников резать, а это прямая дорога на виселицу или в ров – без головы. Я могу ему передать, что ты в нем нужду имеешь, вроде как слышал о его лихих делах.

– А сколько у него людей?

– Пяток наберется, да он шестой – вот тебе и войско.

– Да, вот мне и войско, – кивнул Каспар, понимая, что с его помощью воры хотят решить свои проблемы и избавиться от драчливого конкурента.

– Могу свести тебя с ним завтра в «Бешеном осле».

– Хорошо, давай в обед.

– Заметано.

– Хозяин! – позвал Каспар. – Получи расчет, я ухожу.

У коновязи лошадь Каспара караулили сразу два беспризорника. Новости быстро разносились по городу, и теперь каждый воришка был рад оказать услугу самому Проныре.

– Лошадь в полной целости, господин Фрай!

– Молодцы, – сказал Каспар и подал мальчишкам по два крейцера.

Решив после хереса пройти пешком, он прибыл к дому, когда начало смеркаться, ведя лошадь на поводку. Верный Лакоб сидел, прислонившись к забору. На нем была новая куртка, штаны и сапоги из свиной кожи на толстых подметках. Голову прикрывала крестьянская шерстяная шапка, а в руках Лакоб держал новую сумку, куда переложил свои тайные пожитки.

– Как твои дела? – спросил Каспар.

– Спасибо, каждый бы день так. А твои?

– Да вроде тоже неплохо.

Каспар открыл ворота и прошел с конем во двор, за ним – Лакоб.

– Тут сосед твой приходил, грозил мне, чтоб я убирался.

– А ты?

– А я сказал, что у тебя на услужении. Правильно?

– Правильно. Ужинать хочешь?

– Не-э, поел уже, даже неможется. – Лакоб хохотнул.

– Тогда прими коня, разнуздай, напои и дай овса – он там в бочке.

– Знаю, видал уже.

«Все-таки пролез», – подумал Каспар.

– С лошадьми-то умеешь обращаться?

– А как же, ваша милость, умею, конечно. И обращаться умею, и верхом обучен.

– Ну тогда спокойной ночи.

– И тебе того же, ваша милость.

Лакоб завел мардиганца под навес и стал снимать седло. Каспар поднялся по лестнице и, остановившись возле двери, спросил:

– Ты про Красавчика слышал?

– Слышал.

– Плохое?

– Про таких хорошего не говорят.

– Придется нам с ним на север ехать.

– С ним?!

Лакоб опустил седло и застыл, пораженный этой новостью.

– Что, боишься?

– Нет, с тобой не боюсь, а один, конечно б, не поехал. Такой убьет – недорого возьмет.

– У меня нет другого выхода, время уходит, а других людей взять неоткуда. Нам бы хоть в одну сторону доехать...

– Да, обратно их везти не стоит, – согласился Лакоб. – Рассчитать на обочине, и дело с концом.

«Экий ты быстрый – рассчитать на обочине», – подумал Каспар и неодобрительно покачал головой, однако он и сам понимал, что в обществе Красавчика и его дружков к хорошему финалу они не приедут.

«Значит, придется держать ухо востро, – решил Каспар, – а чтобы раньше времени не забунтовали, придумаю им сказку про золотой клад».

18

Утро третьего дня пребывания Генриетты и ее детей в замке Ангулем выдалось пасмурным, снова мелко моросил дождь, в коридорах герцогских покоев было сыро и холодно, и только две комнаты, где жили она и дети, отапливали с помощью скрытых в пустотелых стенах печей и дымоходов. Это господское изобретение понравилось Генриетте, никакого дыма, гари, мусора от дров и торфа – такое женщина и хозяйка не могла не отметить. Истопники заходили в топочные помещения из другого – «черного» коридора, в результате жильцы получали тепло и даже не видели и не слышали тех, кто об этом заботился.

В первый же день Каспар прислал с телегой все необходимые вещи – ее и детей, было много лишнего, но здесь нашлось достаточно места и шкафов, чтобы разложить все. На второй день молодой грубый капитан, что забирал их, доставил двоих учителей – учителя математики Бразиса и знатока арамейского и ральтийского языка – Ортмана. Знания ни одного, ни другого учителя в таком городе, как Ливен, спросом не пользовались, поэтому жили они скромно. Часто Каспар расплачивался с ними не деньгами, а холстом с собственной красильни, чтобы этим людям подешевле было сшить для себя одежду.

Прибывшие в замок старики были напуганы, поскольку капитан ничего им не объяснил. Их пригнали, как колодников, и они полагали, что стали жертвами наговоров, когда вдруг увидели во дворе замка Генриетту и Хуберта – оба учителя их знали.

– Что происходит, госпожа Фрай, мы ведь ни в чем не виноваты! – воскликнул Бразис, простирая к ней руки.

– Не пугайтесь, вас привезли, чтобы вы учили Хуберта и Еву.

– Еву? Какую Еву?

– Ева – моя дочь.

– Но почему здесь? – Бразис испуганно оглядывался, подавленный масштабами построек замка и множеством вооруженных людей во дворе.

– Потому что мы временно находимся под покровительством герцога.

К прибывшим учителям приближался де Кримон, но они его пока не видели.

– Но нам хотя бы будут платить? – спросил седой Ортман.

– Будут тебе платить, не переживай, – громко произнес де Кримон, чем, к своему удовольствию, напугал учителей.

Они поспешно повернулись в сторону насмешливого, властного голоса и, увидев человека в серой шляпе с серебряным вензелем, низко ему поклонились.

– Вы станете получать в неделю, скажем... по пять серебряных монет. Как они у вас здесь называются?

– Рилли, ваша светлость, – поторопился подсказать Ортман, боясь поднять глаза.

– Этот болван принял меня за герцога!

Де Кримон расхохотался, стоявшие поодаль Хуберт и Ева тоже засмеялись, но Генриетта строго на них взглянула, и они затихли.

– Эй, прислуга, покажите этим грамотеям их апартаменты, завтра они должны дать детям первый урок.

Старцев повели к парадному крыльцу, а де Кримон подошел к Генриетте и, слащаво улыбнувшись, произнес:

– Какие у тебя щеки румяные, баба. Да и все остальное – очень основательное. – Граф сделал шаг назад и оглядел Генриетту сверху донизу. – Люблю я все такое – основательное.

Генриетта оглянулась, Ева и Хуберт не слышали слов графа.

– Не бойся, я же понимаю, тебе нужно подавать детишкам только хороший пример. – Граф хохотнул. – Но когда детишки спят, мамаша может позволить себе... Хе-хе!

– Я не для этого сюда приехала, ваше сиятельство, – ответила Генриетта как можно холоднее.

– За этим или не за этим, я об этом не спрашиваю. Если мне что-то нужно, я это беру.

Тогда Генриетта просто ушла от назойливого графа – это было вчера, а сегодня утром она постаралась убедить себя, что это была лишь неуместная шутка и де Кримон отстанет от добропорядочной матери двоих детей.

Когда башенные часы отбили девять, принесли завтрак. В половине десятого Бразис и Ортман занялись с детьми уроками, еще раз уточнив у Генриетты, действительно ли она желает, чтобы они обучали своим предметам и Еву тоже.

– Зачем вам это, госпожа Фрай? – искренне недоумевал Бразис, а Ортман добавил, что от наук у девиц может испортиться цвет лица.

– Ева хочет учиться, – развела руками Генриетта, ей и самой было непонятно это странное желание дочери.

Когда дети занялись науками, пришел гвардеец и доложил, что приехал Каспар Фрай и дожидается у ворот, поскольку пускать его внутрь не велено.

Решив не беспокоить детей, Генриетта в сопровождении гвардейца спустилась во двор. Де Кримон уже прохаживался там без шляпы, подставляя худое лицо выглянувшему из-за туч солнцу.

Генриетта почти побежала к воротам, придерживая юбки. Каспар стоял на опущенном мосту, держа лошадь под уздцы. Увидев жену, он улыбнулся, она подошла ближе и коснулась его лица. За те два дня, что они не виделись, муж осунулся, под глазами залегли тени, однако он был чисто выбрит.

– Чем ты там питаешься? – спросила она, сдерживая слезы.

– Хожу в заведения. – Он пожал плечами. – Как дети?

– Сегодня первый день занимаются. С прилежанием. А мне делать нечего, на всем готовом сидим.

Через плечо Генриетты Каспар увидел де Кримона, тот стоял далеко, но ухмылку на его лице нельзя было не заметить. Граф и в прошлый раз демонстрировал свое презрение, однако сейчас это было что-то другое.

– Тебя здесь никто не обижает?

– Нет, милый, ты же знаешь, я умею постоять за себя – сам меня обучал.

– Да, конечно, – согласился Каспар.

Во время его последнего похода на дом посягнули грабители, но пробраться внутрь удалось только одному. Его Генриетта пригвоздила к стене арбалетным болтом. Невдомек было вору, что лезет он не к слабой домохозяйке, а к женщине-воину. Будучи еще служанкой Каспара, Генриетта участвовала в отражении трех нападений на дом, умела заряжать арбалеты и вовремя подавать. А при необходимости стреляла сама.

Во дворе появился кастелян, которого дожидался Каспар. Он тоже был из приезжих, носил одежду из серого сукна и такую же серую шляпу с полями.

– Ну прощай, завтра-послезавтра мы отправимся.

– Гномов и эльфов своих разыскал?

– Нет, но команду нашел не хуже прежней, прощай.

Каспар чмокнул ее в губы и повел мардиганца с моста. Генриетта посторонилась, пропуская выезжавшего на лошади кастеляна. Тот приподнял шляпу и кивнул ей.

19

Не дожидаясь попутчика, Каспар пустил лошадь рысью, но вскоре тот догнал его и, придерживая шляпу, крикнул:

- Доброе утро, господин Фрай!
- Доброе утро, приятель. Тебя как зовут?
- Отто, господин Фрай.

Они поехали шагом, и Каспар пожал Отто руку.

- Зачем тебя послали, ты знаешь?

– Да, его сиятельство сказал, что я должен защитить интересы одного... – Отто замолчал, пытаясь подобрать более приличное слово взамен того, что использовал граф.

- Пусть будет «одного дурня», – подсказал Каспар, и Отто засмеялся.

– Вы не обидчивый человек, господин Фрай, и жена у вас очень славная женщина. Такие у нас на вес золота.

- Где это у вас?

- В северной части дистанции.

- Вы приехали из дистанции Маркуса? – спросил Каспар.

– Да, господин Фрай, из северной его части – там живет цивилизованная часть населения, остальное пространство занимают варвары – пестарионы.

- Да, я слышал это слово, пестарионы – это степняки?

- Так, – кивнул Отто, – степняки.

Он тщательно выговаривал слова, стараясь говорить на ярити чисто.

Из кустов взлетела горлица, она шумно захлопала крыльями, Каспар машинально схватился за рукоять меча.

- О, вы быстро готовы к войне.

- К нападению, – поправил Каспар.

- О да, к нападению. Вы всегда ездите с оружием?

- Давно не ездил, но теперь приходится.

Каспар привстал в седле и посмотрел вперед.

- Здесь не опасно? – забеспокоился Отто и стал вертеть головой.

– Когда как, но в следующий раз пусть герцог даст вам пару гвардейцев. И для них прогулка, и вам спокойнее.

- О да, это ценный совет, господин Фрай.

- Так откуда, говоришь, вы приехали?

– Из Фриша, это небольшой город, в предместье которого находится владение барона Бриана Туггорта дюр Лемокиана.

- А я слышал, нынешний герцог родом откуда-то из-за Лазурного моря, – заметил Каспар.

– Он жил там, когда был ребенком, пока его отец был королем в небольшом королевстве Гизгалия, но потом с востока пришел ротонский тиран Тириадор. За два года он завоевал Гизгалию и присоединил к своим владениям, а все семейство Бриана Туггорта захватил в плен. Гизгальский король не пережил такого позора и вскоре умер, а тиран Тириадор проявил великодушие и даровал семейству побежденного короля жизнь, подарив небольшое владение и оставив для сына баронский титул. После звания принца это стало для него глубоким падением. Через три года в ротонском королевстве вспыхнул мятеж, лидер которого сверг тирана Тириадора и сам стал тираном. Он объявил недействительными все указы предыдущего тирана и приказал казнить семью гизгальского короля. Им пришлось бежать с небольшой казной, ее хватило, чтобы пересечь границу дистанции Маркуса и добраться до города Фриша, где владел поместьем дальний родственник матери Бриана Туггорта. Ему преподнесли богатые дары,

и он согласился приютить беглецов. Через несколько лет он умер от старости, и все поместье досталось им.

– А велико ли поместье? – поинтересовался Каспар, зорко следя за кустами и высокой желтеющей травой.

– Нет, не очень. Двести крепостных.

– В дистанции есть рабство?

– Нет, они называют это крепостным правом.

– А ты сам откуда, а то я уже запутался.

– Я из свободного города Фриша, мне повезло занять место одного из кастелянов графа де Кримона.

– А он откуда?

– Он из обедневших дворян дистанции, у него было всего тридцать крепостных, и он подрабатывал в поместье Бриана Туггорта учителем конной езды, фехтования и хороших манер.

– Видно, плохо жилось герцогу в дистанции.

– Почему? – Отто пожал плечами. – Маркус хороший дистандер, он заботится о своем народе, в нашем городе каждую неделю кого-то вешали.

– Ну здесь-то вам точно будет скучно, у нас вешают гораздо реже. Почему же барон Бриан Туггорт сразу не отправился к своему дяде герцогу Ангулемскому?

– Подробностей я не знаю, но, по-моему, дядя не очень хотел видеть племянника. Думаю, он полагал, что тот ему будет здесь мешать.

– Охотно верю. Его светлость Арнольд Фердинанд родственников не жаловал, – подтвердил Каспар. – На кого же оставили поместье под Фришем?

– Ни на кого не оставили, бросили.

– Почему?

– Если бы барон попытался его продать, об этом бы узнал наместник дистандера Маркуса и поинтересовался бы, куда собрались барон с матушкой. Узнай Маркус, что барон – родственник герцога Ангулемского, он заточил бы его в подвал и потребовал с дяди выкуп за племянника. Поэтому из Фриша барон и его матушка просто бежали, прихватив казну и пятьдесят стрелков, остальное досталось Маркусу.

– Хорошо отделались, – сказал Каспар и надвинул шляпу – небо снова заволокло тучами и пошел мелкий дождь. – Что у тебя за лошадь?

– Обыкновенная, – пожал плечами Отто. – Имуксен называется. Думаете, маленькая?

– Для обычной лошади вполне нормальная, вот только масть у нее странная – бледно-гнедая какая-то. И грива длинная, может, ее подстричь нужно?

– Нет, имуксены все так носят.

Некоторое время они ехали молча и вскоре миновали место, где на Каспара напал Лакоб. Рассказывать об этом Отто не стоило, он и так выглядел встревоженным.

– Как-то у вас тут беспокойно, – неожиданно сказал он и приподнялся в стремях, оглядываясь. – Наверное, потому что никого не вешают, никто не боится закона.

– Наверное, – ответил Каспар и, чтобы отвлечь кастеляна от невеселых дум, сказал: – Сейчас я покажу тебе своих приказчиков. Их трое – Патрик, Луцвель и Клаус.

– Так, – кивнул кастелян.

– Они ребята смысленные, подсказывать им ничего не нужно, но для вида их свитки все же надо просматривать.

– Так, я начинаю понимать.

– Делай все время хмурое лицо, как будто в чем-то их подозреваешь, чтобы они воровать боялись. Вид у тебя ненашенский, это должно сработать. Пару раз в неделю нужно посещать

красильню и склады, там та же комедия – пощупаешь холст и головой эдак покачаешь, мол, не совсем доволен.

– Они будут спрашивать меня, в чем дело?

– Будут. А ты не отвечай им, скажи, что все доложишь хозяину, когда вернется, и пусть сам разбирается.

– Ага, я начинаю понимать – они должны бояться, – закивал Отто.

– Правильно понимаешь... Вот, возьми. – Каспар протянул кастеляну сложенные столбиком пять серебряных монет. – Когда вернусь, получишь еще столько.

– Нет, я не могу. – Отто покачал головой, и вода с полей его шляпы пролилась крупными каплями на открытую ладонь Каспара. – Его светлость платит мне жалованье.

– Бери, деньги лишними не бывают, просто я хорошо к тебе расположен.

– Ну раз вы настаиваете...

Отто тяжело вздохнул и положил серебро в карман. Дождь закончился, и через окно в тучах пробилось солнце. Стало теплее, лошади побежали быстрее.

Вскоре показались крыши Ливена, умытые дождем, они сверкали под осенним солнцем, и город показался Каспару праздничным. Он уже хотел спросить у Отто, как ему нравится Ливен, когда тот вдруг заявил:

– До чего же грязный у вас город. – И после паузы добавил: – А про ваше серебро я должен буду доложить графу де Кримону.

20

Каспар доставил Отто на красильню, дал ему последние наставления, а затем показал оба склада и трактир, где у него проходили совещания с приказчиками. Время подходило к обеду, Каспар распрощался с кастеляном и поспешил к «Бешеному ослу», чтобы переговорить с Красавчиком.

Коновязь у заведения оставалась свободной, поскольку посетители «Бешеного осла» в лошадях не нуждались.

Как обычно, в надежде на легкий заработок возле двери вились несколько беспризорников. Каспар привязал коня и сдал его на хранение самому шустрому оборвышу, по всей видимости, жожаку этой шайки, пообещав по возвращении выдать два крейцера.

В зале было сумрачно, и на столах самых авторитетных посетителей горели свечи. Воры попроще пили свою бурду в полумраке, угрюмо посматривая на дверь и размышляя над тем, где сегодня вечером удастся что-нибудь украсть.

Каспар обнаружил Кучера на прежнем месте – за столиком, где они окончательно познакомились. Теперь рядом с ним сидели двое незнакомых Каспару людей, и вся компания молчала. Видно было, что эти люди собрались вместе только по необходимости.

Увидев Каспара, Кучер повеселел, предчувствуя хорошее угощение. Повеселел и подскочивший к гостю кабатчик – не каждый день в его заведении появлялись столь платежеспособные клиенты.

– Хересу, милейший, самого лучшего. Бокалы из стекла и свинину с луком на всех четверых.

– Слушаюсь, ваша милость. Сей момент будет сделано.

Кабатчик убежал, а Каспар подошел к столу, снял шляпу и степенно сел. На него уставились две пары глаз – первый, без сомнения, был тем самым Красавчиком, с белыми, точно снег, длинными волосами и водянистыми глазами. Тонкие губы и небольшой, хищно изогнутый нос делали Красавчика похожим на исхудавшую скопу.

Его напарник был попроще: нос картошкой, на правой щеке шрам от ножа, маленькие, глубоко посаженные глазки и толстые расплюснутые губы.

– Вот, господин Фрай, это Красавчик и его правая рука – Свинчатка.

– Очень приятно, господа воры, – сдержанно произнес Каспар.

В среде городских жуликов рукопожатия и проявление эмоций считались плохим тоном – ему об этом было известно.

– Что-то погода в этом году непонятная, то дождь, то солнце, – начал разговор Каспар.

– Осень. Скоро заморозки, а потом и завьюжит, – поддержал его Красавчик.

Ни он, ни Каспар не собирались говорить о делах при Кучере, а тому хотелось отведать свинины. К счастью, кабатчик в сопровождении помощника уже спешил к их столу, неся на подносе блюда со свининой и высокую бутылку хереса.

Едва поставили закуску, Кучер принялся торопливо засовывать в рот куски мяса. Каспар стал разливать по бокалам херес, и двое новичков по достоинству оценили цвет напитка в прозрачных бокалах.

Кучер пробубнил «буздоровы» и залпом выпил свой херес, затем забросил в рот оставшийся от свинины лук, вытер руки о штаны и, сыто рыгнув, поднялся:

– Ну бывайте, господа хорошие, я вас свел, а дальше – сами...

Нахлобучив порывевшую от старости шляпу, он ушел, оставив Каспара наедине с новыми знакомыми.

– Выпьем за хороший разговор, – предложил Каспар.

Воры подняли бокалы, в несколько приемов выпили душистый херес и не спеша принялись за еду.

Несмотря на их попытки казаться преуспевающими и независимыми, выскальзывавшие из жирных пальцев куски свинины они с лязгом перехватывали зубами, как голодные псы.

Наконец мясо было съедено, новые знакомые Каспара вытерли руки об одежду и снова напустили на себя значительный вид, готовясь к разговору. Впрочем, Каспар уже знал, что они согласятся на его предложение, слишком уж голодными явились эти воры на встречу.

– Полагаю, Кучер сообщил вам, зачем мы назначили эту встречу?

– Нет, – покачал головой Красавчик, ковыряя ногтем в зубах. – Этот ублюдок не сказал нам ни слова.

– Это даже к лучшему. – Каспар улыбнулся, он не поверил Красавчику. – Я ищу людей, которые составят мне компанию для поездки на север.

– Далеко?

– В Харнлон, – ответил Каспар. Он не собирался уточнять, что ехать нужно до самого побережья Студеного океана.

– А зачем, везти чего?

– Туда мы повезем товар – ничего особенного, крашеный холст и сукно, зима на носу, сукно расходуется хорошо. Особенно на севере.

– И ты хочешь, чтобы мы охраняли твое сукно?

В голосе Красавчика послышалась насмешка, его забавляло, что кто-то хочет нанять воров, чтобы что-то сторожить.

– Нет, для охраны я бы взял мужиков с дубинами, а мне в команду нужны ребята отчаянные.

Каспар говорил негромко, так, чтобы собеседникам казалось, будто он посвящает их в некую тайну, и они невольно склонялись над столом, боясь упустить что-то важное.

– Товар на телегах только для отвода глаз, на самом деле мы должны захватить очень дорогую вещицу и привезти ее в Ливен.

– Насколько же она дорогая, эта вещица? – спросил Красавчик и быстро переглянулся со Свинчаткой.

– Она очень-очень дорогая, но не для всех, а только для тех, кто знает в ней толк, – ответил Каспар, совершенно уверенный в том, что воры ему не поверят. Они и не поверили, это было ясно по тому, как алчно загорелись у них глаза.

– Ты это, Фрай... – Красавчик не смог сразу найти подходящих слов. – Ты должен заплатить нам за работу.

– Конечно, дело ответственное, и оплата будет высокой.

– Сколько дашь?! – горячо выдохнул Свинчатка.

– По три дуката на рыло, при том что вся жратва и одежда за мой счет.

– Ох ты ж! – задохнулся от восхищения Свинчатка, но Красавчик толкнул его под столом ногой. – Ну, допустим, деньги-то небольшие, – тут же поправился он, а предводитель добавил:

– Что я буду иметь с того, что мои парни станут на тебя горбатиться?

– Ты получишь по половине рилли за каждого из них.

– Я хочу... – Красавчик снова стал подбирать слова. – Я хочу целый рилли за каждого! – И он хлопнул по столу так громко, что пробежавший мимо кабатчик от испуга споткнулся.

– По целому рилли? – повторил Каспар и озадаченно почесал темя, имитируя тяжелые раздумья. Потом согласно кивнул: – Ладно, пусть будет по рилли.

Свинчатка и Красавчик облегченно выдохнули и заулыбались, заглядывая в пустые бокалы. Каспар подозвал кабатчика и приказал повторить выпивку и закуску.

– Как же приятно иметь дело с благородным господином, – произнес Свинчатка. От еды и хереса его лицо покраснелось, и только шрамы оставались бледными. – И разговор приятный, и пожать, и выпить, да еще из настоящего стекла.

Вор шелкнул по краю бокала заскорузлым ногтем, тонкое стекло мелодично запело.

– Вот же ж дело какое! – восхищенно сказал он.

– А сколько у вас будет людей – я слышал, шесть человек?

– Нет, больше. – Красавчик откинулся на спинку стула и, сдвинув на затылок шляпу, стал загибать пальцы. – Я, потом Свинчатка. Это уже сколько?

Он растопырил на каждой руке по несколько пальцев и озадаченно переводил взгляд с одной руки на другую.

– Запутался я чего-то. Давай сначала – я, Свинчатка...

– Перечисли по кличкам, это будет проще, – предложил Каспар.

– Правильно! Значит – я, Свинчатка – это уже сколько?

– Это уже два, – подсказал Каспар.

– Правильно – два. Потом еще Рыпа, Слизень, Бубон и Шрайк.

– Все? – уточнил Каспар.

– Все.

– Значит, все-таки шесть.

– Да? – Красавчик наморщил лоб.

Или он плохо считал, или только делал вид, играя под простачка. Каспар решил, что разберется в этом позже.

– А еще с нами поедут Бабушкин Звон и Котлета.

– Они не поедут, – помотал головой Свинчатка. – Бабушкин Звон – городской вор, ему эти путешествия ни к чему, а у Котлеты баба появилась на Коровьей улице, кухарка мясника, он ее каждую ночь жарит, при этом обут, одет и о жратве не думает. Он из-под ее теплого бочка ни шагу не сделает. Не поедут они.

– Не поедут? – Глаза Красавчика сузились, в голосе зазвучала сталь.

– Нипочем не поедут.

– А я говорю – поедут! – зло произнес Красавчик, прищипливая Свинчатку к стулу взглядом. – Обязательно поедут, только они об этом еще не знают.

Снова принесли свинину и херес, убрали грязную посуду, поставили чистые бокалы. Бутылка старого хереса стояла почти целый рилли, и кабатчик старался изо всех сил.

– А когда выезжать надо, господин Фрай? – уважительно поинтересовался Свинчатка, с удовольствием созерцая это великолепие.

– Если завтра будете готовы, послезавтра с утра и отправимся.

Он посмотрел на Красавчика, тот после паузы согласно кивнул, но сделал оговорку:

– Аванс нужно.

– Будет аванс, только не сейчас, а утром, как только отъедем от города. Все получают по одному рилли, а ты – два.

Красавчик довольно ухмыльнулся, этот Фрай был не таким глупым, каким показался вначале.

– Пусть завтра после обеда вот он, – Каспар указал на Свинчатку, – придет к моему дому и скажет, что у вас все в порядке и вы готовы выступать, тогда я приготовлю лошадей и подводы в условленном месте, чтобы с утра встретиться с вами.

– Правильно, так мы и сделаем, – кивнул Красавчик.

Каспар разлил херес и, подняв бокал, произнес:

– За успех нашего похода, господа воры!

– За успех! – отозвался Свинчатка, и все выпили.

Оставив воров доедать свинину, Каспар заплатил за ужин, распрощался и вышел на улицу.

Уже вечерело, небо прояснилось, и дожди ушли, оставив прохладный и свежий воздух. Мардиганец Каспара мирно дремал у коновязи, а рядом на бревне, словно взъерошенные воробы, дожидались обещанной награды пятеро мальчишек-оборванцев.

– Охрана, подъем! – скомандовал Каспар.

– А-а, нажрался уже? – спросил командир этого отряда.

– Ну... в общем-то, да. – Каспару стало стыдно оттого, что, пока он ел в кабаке жареную свинину и запивал ее дорогим хересом, эти сиротки ждали свои два крейцера, чтобы купить себе черствых пряников.

– Ладно, раз вас пятеро, вот вам пять крейцеров, – сказал он и подал командиру деньги.

– Ух ты, какой добрый дядька! – воскликнул один из беспризорников.

– Добрый... – усмехнулся вожак, смерив Каспара презрительным взглядом. – Дядька, а возьми нас с собой в поход!

Каспар покачал головой, он давно знал, что воры болтливы.

– Давай не сейчас, а годика через три.

– Да я через три годика, может, уже сдохну, – серьезно произнес вожак и, сразу потеряв к Каспару интерес, скомандовал своим товарищам: – Айда в «У пруда», братва, накатим червивки!

Мальчишки радостными криками поддержали предложение своего командира и, пугая прохожих, понеслись в кабак, где были самые низкие цены в городе.

– Накатим червивки? – недоуменно повторил Каспар. – А как же пряники?

Взобравшись в седло, он тронул мардиганца шпорами и поехал домой.

21

Лакоб, как верная собака, подждал Каспара у забора. Услышав стук копыт, он встал и потоптался на затекших ногах.

– Что нового, ваша милость? Повидался с душегубцами?

– Повидался, братец.

– Договорились?

– Договорились. Завтра с утра мы с тобой по городу на возу покатаемся, нужно собрать провиант, амуницию и оружие.

– Оружие? – переспросил Лакоб, беря мардиганца под уздцы.

Каспар сошел на землю, отворил ворота и прошел во двор.

– Обязательно, без оружия нам никак нельзя. Вон ты в меня стрельнуть хотел, а стрелка-то у тебя кривая была. Стрелка кривая, а тетива – гнилая. Позор, а не оружие, потому и сломал я его об колено.

Лакоб без напоминаний повел лошадь под навес, а Каспар пошел к лестнице.

– Ты вообще как стреляешь – лук тебе больше по душе или арбалет?

Расстегивая подпругу, Лакоб пожал плечами:

– Я вообще-то стрелок плохой.

– А меч в руках держал когда-нибудь?

– Держать-то держал, но в сечах не участвовал.

– Ну а топор? Нету такого человека, чтобы с топором обращаться не мог! – уже в отчаянии воскликнул Каспар. Ему нужен был человек хоть с какими-то навыками. Пока он видел, что Лакоб неплохо ухаживал за лошадью, но этого было мало.

– Топором я могу, да, – обрадовался Лакоб. – Топором я и лес валил, и туши говяжьи рубил.

– Долго рубил?

– Полгода, почитай каждый день, я в помощниках у мясника работал, но потом ушел.

– Почему ушел?

– Крови много, – вздохнул Лакоб и опустил глаза, продолжая распрягать мардиганца.

«Врет, – подумал Каспар. – Сам же подсказывал мне, чтобы я людей Красавчика «рассчитал на обочине». Врет».

Поднявшись в дом, он, не снимая сапог, спустился в арсенальную и вынес в гостиную чехол со складным луком, с которым прошел полжизни. К нему оставался небольшой запас укороченных стрел с мягкими медными наконечниками.

Рядом с луком Каспар положил меч и кривой кинжал с крюком, чтобы прихватывать клинки. За второй заход вынес короб с новенькой машинкой от гнома, а в третий раз выволок запыхавшиеся доспехи, два шлема, три пары кожаных штанов, две куртки и две пары сапог. Осмотрев все это, Каспар решил привести в порядок подсохшую кожаную амуницию и для этого принес с кухни склянку с деревянным маслом и кувшинчик с дегтем.

Через час, уже в сумерках, он зажег свечи и полюбовался на свою работу – все вещи блеснули как новые, а в комнате стоял запах дегтя.

Оставив амуницию, Каспар открыл короб и еще раз перебрал купленную у гнома машинку и прилагавшиеся к ней припасы. Затем все убрал, сел на стул и осмотрелся – вроде ничего не забыл. Хотя – нет! Талисман с золотым единорогом!

Каспар подхватил свечу и бегом сбежал по лестнице в арсенальную кладовку, однако талисмана не нашел – тот всегда висел на отдельном крючке, но теперь его там не оказалось.

В арсенальной было не так много места, чтобы он мог куда-то завалиться, Каспар присел и стал смотреть на полу. Золотого единорога он не нашел, зато обнаружил давно потерявшийся,

как ему казалось, свой прежний талисман – стянутый бычьей жилой пучок конских волос. Им Каспар пользовался ранее – с самых первых удачливых походов, а получил его от старого степняка. Тот уверял, что талисман отводит стрелы, тупит мечи врагов и что-то там еще – сейчас вспомнить было трудно.

Каспар поднял пучок конских волос и еще раз осмотрелся в надежде найти единорога, однако пришлось довольствоваться тем, что есть.

Рассудив, что ехать хоть с каким-то талисманом все же лучше, чем вовсе без него, Каспар вздохнул и стал подниматься по лестнице. Пламя свечи колебалось, горячий воск тек по пальцам и падал на пол, но Каспар этого не замечал. Внезапная апатия навалилась на него, и он не понимал, куда и зачем ему следует ехать. Может, все бессмысленно?

Спать Каспар лег в гостиной на кушетке, в спальню не пошел, без Генриетты она казалась пустой и холодной. В комнаты детей Каспар и вовсе не заглянул, знал, что будет больно.

Его сон был беспокойным, в спящем сознании проносились обрывки каких-то образов, звучали предупреждающие, перебивающие друг друга голоса. Каждый из них стремился донести именно свой совет, в результате Каспар проснулся чуть свет с тяжким ощущением, будто совсем не спал.

Спустив ноги на пол, он непонимающе уставился на собранные с вечера амуницию и оружие.

– Ну да, я должен ехать... – вспомнил он.

Каспар тяжело поднялся и, подойдя к окну, открыл витражные створки. В лицо пахнуло студеной сыростью, по улице, словно вода, струился туман. Каспар встряхнул головой, растер ладонями лицо и подумал, что перед выходом следует побриться.

22

Через полчаса он ударил кулаком в дверь, вышел на высокое крыльцо и позвал:

– Лакоб!

– Здесь я, ваша милость, – ответил тот из-под навеса, уже заканчивая седлать мардиганца.

– На вот, я тебе поесть принес, – сказал Каспар, спускаясь во двор.

– Благодарствую, ваша милость. – Лакоб почтительно принял черствую лепешку и большой шматок ветчины.

– На здоровье. Сейчас отправимся к Табрицию, за подводой. Я поеду, а ты следом пойдешь.

– Ну дак понятно, – пробубнил с набитым ртом Лакоб.

Каспар вывел из-под навеса жеребца, тот выглядел хорошо, вечером Лакоб его почистил.

– Идем, дружок, – произнес Каспар, похлопав мардиганца по шее, и повел на улицу. Дожевывая свой ранний завтрак, Лакоб поспешил следом, забрасывая на плечо неразлучную суму.

Тумана на улице поубавилось, тучи сделались прозрачней, и все явственнее в восточной стороне обозначался восход.

«Все закончится хорошо, Каспар...» – донеслось откуда-то издалека.

– Я тоже так думаю, дружище.

– Это ты кому, ваша милость? – спросил Лакоб.

– Тебе. – Каспар с недоумением посмотрел на своего служащего. – Разве ты ничего не говорил?

– Был нем как рыба.

«Но все же тебе придется хлебнуть горя...» – произнес все тот же голос.

– Кто ты? Где ты?! – крикнул Каспар, и жеребец под ним закрутился. – Кто ты?! – снова закричал он, вглядываясь в еще темные углы и закоулки.

За забором у соседа залаяла собака.

– Полно тебе кричать, ваша милость! Перепугал ты меня! – пожаловался Лакоб, невольно оглядываясь.

Каспар натянул уздечку и успокоил коня, затем вымученно улыбнулся и сказал:

– Извини, дружище, я сегодня плохо спал.

– То-то я гляжу, ты лицом черен, – с опаской косясь на работодателя, признался Лакоб.

– Пройдет, – отмахнулся Каспар. – Поспешим.

– Поспешим, хозяин.

Потянул утренний ветерок и как веником вымет с улицы остатки ночного тумана. На мостовой появился угольщик с тележкой, позвякивая бидоном, прошла молочница, город оживал, и Каспар приободрился.

– Стучат как будто, – заметил Лакоб, догнав Каспара.

– Да, действительно, – согласился Каспар. – Это на Рыночной площади, должно быть, прилавки подновляют.

Они прошли еще шагов пятьдесят и оказались на площади. Там уже скапливались прибывшие с товаром возы, было самое время для подготовки, однако никто не спешил разгружать товар и раскладывать его по прилавкам. И возчики, и продавцы – все стояли, опустив руки, и смотрели на то, как посреди торговых рядов поднимается перекадина виселицы. Стучали молотки, повизгивали рубанки, свежая стружка слетала к ногам молчаливых плотников.

«...в городе каждую неделю кого-то вешали», – вспомнил Каспар слова Отто-кастеляна.

– Что же это такое, ваша милость? – спросил притихший Лакоб, Каспар только пожал плечами.

– А торговать-то теперь как? – удивилась какая-то баба.

– А чего тебе – торгуй, вешать только по четвергам будут, – заметил ей пьяный с ночи стражник. Он зевнул и, прикрыв рот прохуdivшейся перчаткой, добавил: – А то развелось сволочи всякой.

23

Узнав Каспара, сторож быстро распахнул ворота, но, увидев Лакоба, спросил:

– Этот с вами, ваш милость?

– Да, это мой человек!

Каспар въехал на огромный двор, соскочил с лошади и отдал ее подбежавшему конюху.

– Хозяин-то спит?

– Спит, как не спать, да только сейчас выскочит, он покупателя сквозь сон слышит.

Конюх оказался прав: не прошло и полминуты, как во двор выскочил Табриций-младший в ночной рубашке, колпаке и в растоптанных чеботах на босу ногу.

– Приветствую дорогого гостя! – крикнул он издали и, заметив вдруг какой-то непорядок, принялся распекать конюхов. Затем быстро вернул опухшему ото сна лицу умильное выражение и спросил: – Коников забрать хотите?

– Только ломовую с подводой, но вексель напишу сейчас же. Где тут у вас чернила с бумагой?

– Можно пройти в конторку, а то велю сюда вынести... – Табриций посмотрел на небо. – Дождя-то уже нет.

– Ну пусть несут.

– Маттей, принеси бюро маленькое!

– Какое, хозяин?

– Я сказал – маленькое, вот дурак-то. – Табриций покачал головой и зевнул, прикрыв рот. – Чего там в городе нового?

– На Рыночной площади виселицу ладят.

– Виселицу? – Табриций протер глаза. – А зачем?

– Наверное, повесят кого, герцог теперь новый, должно, и порядки введет новые.

– Хорошо бы против воров всяких и конокрадов. – Табриций снова зевнул. – Что ни ночь, сторожа зарезать хотят.

– Что, опять балуют?

– А то. – Табриций покачал головой. – Куда катимся? А это ваш человек-то? – Он кивнул на Лакоба.

– Мой, – кивнул Каспар.

– А то я засомневался: уж не вор ли?

– Нет, он у меня смирный. Кстати, шляпу-то я принес. – Каспар выдернул из-за пояса свернутую вчетверо шляпу, что одолжил ему в дождь Табриций.

– Да зачем вы, господин Фрай, какие пустяки!

– Нет, премного благодарен, теперь я в своей. – Каспар коснулся пальцем полей своей любимой шляпы.

– Ну ладно. – Табриций нахлобучил возвращенную шляпу поверх колпака.

Послышалось надсадное сопение и чавканье ног по грязи, Табриций обернулся и, всплеснув руками, воскликнул:

– Да что же ты делаешь, задери тебя огры?! Это ж разве маленькое бюро, дурак ты эдакий?

Каспар не удержался от улыбки. Уж больно комично выглядела эта пара – один в чеботах, ночной рубашке и шляпе поверх ночного колпака, другой с покрасневшей от натуги рожей и с большим канцелярским шкафом в руках.

– Так что, обратно нести?! – из последних сил проревел конюх.

– Да уж ставь где стоишь, дурак, сейчас и это сгодится.

Маттей с облегчением поставил бюро в грязь и пошел прочь, бормоча под нос ругательства.

Каспар с уважением посмотрел ему вслед:

– Здоров работник-то.

– Да уж здоров-то здоров, кабы еще ума... В прошлом месяце подкову каленую на спор сломал, а я за них по шесть крейцеров платил.

Достали бумагу, плотную, хорошую. Каспар обмакнул в склянку перо и не спеша выписал вексель на всех лошадей, снаряжение и телеги. Поставил роспись и передал бумаги Табрицию. Тот взял документ, зачем-то посмотрел его на свет и сказал:

– Вот ведь как получается-то, при батюшке моем все золото прямо сюда несли, а он его в подвале прятал и охрану содержал, чтобы не украли. А теперь вон – написал бумагу, заверил подписью и пожалуйста в банк к меняле Буклису.

– Да, удобно. Прикажи подводу подать, а мардиганец пусть у тебя постоит, завтра подашь его к северным воротам вместе с остальными.

– Обязательно сделаем, господин Фрай, все, что пожелаете.

– А после обеда я телегу верну уже с припасами.

– Хорошо, будем ждать, я скажу сторожам. Эй, Маттей, подавай ломовую! Ломовую, дурак, подавай!

Вскоре вывели запряженную в телегу невысокую лошадку, Каспар похлопал ее по холке, взобрался на телегу и, взяв вожжи, скомандовал:

– Прыгай, Лакоб, кого ждешь?

Тот занял место рядом с хозяином, и они выехали со двора.

Пригород уже просыпался, во всех направлениях спешили рабочие с расположенных вдоль реки мыловарен, красилен и прачечных цехов. В город везли припасы, пеньку, уголь, дрова – подводы растянулись на целую милю.

Неожиданно Лакоб начал смеяться.

– Ты чего? – спросил его Каспар.

– С конюхом смешно получилось, со шкафом.

24

Переезжая с улицы на улицу, от мастерской к лавке, от лавки к пекарне, Каспар и Лакоб собирали на подводу все больше припасов.

Мешки с солониной и сумки с галетами, крупа пшенная и фрукты сушеные, связки мечей и пучки стрел, трепаная ткань для бинтов и притирания для остановки крови. Все это аккуратно грузилось на телегу и перекладывалось чистой рогожей. Лакобу понравились доспехи – наклепанные на кожу стальные накладки. Каспар пообещал ему выдать такие же.

После продуктовых запасов взяли полторы дюжины валяных шерстяных одеял, большой медный котел, пять мешков овса для лошадей, дюжину пар холщовых штанов и рубах.

Разохотившись, Каспар добавил четыре недорогих арбалета и сотню болтов для них, затем развернул телегу и поехал к западным воротам, недалеко от них находились принадлежащие ему склады.

Клаус, приказчик Каспара, был немало удивлен, увидев хозяина в паре с каким-то человеком, да еще при нагруженной телеге.

– Нечего тут удивляться, – пройдя мимо него, пробурчал Каспар. – Сейчас холсты грузить будем.

– А куда вы их повезете, хозяин? – поспешил за ним Клаус.

Каспар остановился перед штабелями крашенных в разные цвета холстов и после недолгого раздумья сделал свой выбор.

– На продажу, Клаус, куда же еще? Сними-ка мне вон те два индиго, пурпур – тоже два возьму и четыре больших тертых.

Не дожидаясь грузчика, всегда полупьяного бородатого мужика, Клаус сам подвинул лесенку и стал вытягивать затребованные Каспаром холсты. Вскоре все они были погружены на подводу.

– Прощай, братец, – сказал Каспар и, дернув вожжи, стал выводить лошадь на дорогу.

– Прощайте, хозяин, – ответил Клаус, недоумевая, зачем хозяину лично понадобилось ехать и продавать холсты. – Взял бы тогда уж пару возов, что ли...

Клаус пожал плечами и вернулся в склад, у него еще было много работы.

Ломовая лошадка тяжело кивала головой, однако телегу тащила исправно. Дорога была ровная, и до хозяйства Табриция они поехали вдоль старой крепостной стены. Встречные с интересом посматривали на них, очень уж много разного товара было на телеге. Мужчин интересовали мешки и кораба, женщины засматривались на штуки пурпура и индиго.

Во дворе у Табриция Каспар оставил телегу с товаром и получил своего мардиганца.

– Значит, завтра, как солнце взойдет? – уточнил Табриций, имея в виду время доставки лошадей и припасов.

– Да, будет в самый раз, – кивнул Каспар, взобрался в седло и поехал за ворота, Лакоб поспешил следом.

Когда оказались на дороге, он спросил:

– Ваша милость, а ты не боишься, что подведут тебя воры? Ты набрал запасов, а они вдруг не явятся!

– Явятся, сейчас их посланник нас возле дома дожидается. Я всегда знаю, когда человек слово держать будет.

– И воры?

– Они, конечно, не шибко честные, но у них выбор невелик. Остаться на зиму голодными и драться за каждую корку с другими ворами либо попытаться заслужить себе пропитание трудом.

Каспар не ошибся – оказавшись на улице Бычьего Ключа, они с Лакобом сразу увидели присланного Красавчиком Свинчатку. Тот стоял напротив ворот дома Каспара Фрая и ждал, почесывая под курткой пузо. Увидев конного, он вначале испугался, но потом узнал Каспара и, не удержавшись, помахал рукой.

– Здорово, господин Фрай!

– Здравствуй, Свинчатка. Чего скажешь?

– Красавчик сказал – мы готовы.

– Все будут?

– Все, господин Фрай, и Бабушкин Звон, и Котлета – всех приведем.

– Значит, с восходом жду вас за северными воротами, там уже будут лошади и подводы.

У тебя почему штаны дырявые?

Неожиданный вопрос застал Свинчатку врасплох.

– Так это, господин Фрай, протерлись они, это я еще третьего дня от собак убежал...

– Ладно, завтра подыщем тебе штаны простые, но надежные.

– Спасибо, господин Фрай. Ну так я пошел?

– Иди, братец, смотрите не опаздывайте.

– Не опоздаем.

25

Красавчик и его подручные прибыли к уговоренному месту еще затемно. Своего угла у них не было, за каждый кусок приходилось воевать с местными ворами, поэтому где ночевать, вопроса не вызывало.

Городские ворота на ночь давно не закрывали, поэтому банда беспрепятственно вышла на дорогу – Красавчик и Свинчатка налегке, а Рыпа с Бубоном и Слижень со Шрайком, словно охотники добычу, волокли привязанные к толстым жердям человеческие тела.

– Давай здесь остановимся, а то ребята совсем изнемогли, – предложил Свинчатка.

– Хочешь их пожалеть? – покосился на него Красавчик. – Ну так возьми и помоги им.

Свинчатка оглянулся на шедших позади, но помогать не стал. Впрочем, шагов через тридцать предводитель все же смиростивился и, указав на грязную обочину, сказал:

– Валите их сюда.

Уставшие воры выполнили его приказ буквально, бросив привязанных к шестам пленников. Ударившись о землю, те застонали и стали требовать, чтобы их развязали, однако на них не обращали внимания.

– Ну? И где твой... купчик? – вытирая со лба пот, поинтересовался Бубон, огромный верзила с вечно красной от пьянства физиономией.

– Как рассветет – покажется, – спокойно ответил Красавчик.

– Ты чего, правда решил с ним ехать, а? – спросил нервный Шрайк, он постоянно подергивал головой и повсюду искал повод для ссоры.

– Там посмотрим.

– Красавчик, да куда нам теперь ехать? Еще немного, и мы надломим Кучера, все его дела к нам перейдут, – высказался Слижень, всегда считавший себя обделенным при дележе награбленного.

– Как же, надломишь ты их... – криво усмехнулся Красавчик и вздохнул. – Когда мы в Ливен пришли, сколько нас было?

– Пятнадцать душ.

– Во – пятнадцать! – Красавчик сдвинул шляпу на затылок. – А сейчас сколько?

– Шесть, если этих не считать. – Слижень кивнул на связанных пленников.

– Вот и смотри сам, подломим мы Кучера или не подломим...

Все замолчали, вглядываясь в светлеющий восточный край неба.

– Нам денег перехватить надо, мы бы тогда оружие купили, отожрались бы малость.

– Здесь червивка кислая, у меня от нее брюхо болит, – басом пожаловался Бубон.

– Вот и я о чем говорю. Нам сейчас заработок нужен, а Фрай обещает дать аванс, по серебру на рыло.

– Да ты что! – не поверил Бубон.

– Да, прямо сегодня, сказал, даст денег. И в походе обещал жрачку из своего кармана.

– А мне штаны новые, – мечтательно глядя в сумерки, сообщил Свинчатка.

– Так, может, мы его того, а? – предложил Бубон. – Отъедем на пару миль, скинем в канаву, все денежки заберем – он ведь, поди, на дорогу-то немало припасет, а?

– А Бубон дело говорит, – подал голос Рыпа, невысокий плечистый вор в драной, с оборванными полями шляпе. Он постоянно сморкался и говорил в нос. – Ты сказал, при нем барахло будет, кони.

– Этот Фрай не так прост. – Красавчик покачал головой и сплюнул на дорогу. – Мне рассказывали, что Кучер, Пустой и Швыра его на нож посадить хотели.

– И чего?

– Не посадили. Убрал он их всех троих – разом.

– А чего ж совсем не убил? – недоуменно поинтересовался Слижень.

– Не знаю, – честно признался Красавчик. – Наверно, ему с этого никакого навару нету, Кучер ему не мешает. А с конями я бы не связывался, куда их потом продать? Местным заводчикам? Доложат страже, те – гвардейцам, а на площади виселицу поставили – свяжись мы с продажей коней, первыми на ней и окажемся. Местные говорят, молодой герцог новые порядки в городе наводить будет, поэтому нам лучше на некоторое время отсюда смыться, а как вернемся, то, может, увидим Кучера в петле.

– Хорошо бы, – сказал Слижень.

– С конями можно не вязаться, отпустим – пускай разбегаются! – не сдавался Рыпа. – Возьмем только денежки и барахло! Хочешь, я сам его подколю – как свинью, даже пикнуть не успеет?

– Не торопись, Рыпа, если я решу, что так будет лучше, именно ты его и подколешь, раз сам вызвался, но я еще не все сказал. Фрай собирается вывезти с севера какую-то очень ценную вещь. Что за вещь – не говорит.

– Темнит! – пробасил Бубон.

– Темнит, – согласился Красавчик. – Поэтому за горстку серебра и пару телег тряпья нам его в канаву валить не резон. Доберемся до сокровища, тогда и посчитаемся. Теперь всем ясно, почему мы должны ехать с Фраем и вести себя как паиньки?

– Дело ясное, брать нужно все, – уверенно заявил Слижень.

– Правильно, хапнем по-большому! – поддержал Бубон.

– Да не ори ты так! – ткнул его в бок Рыпа.

– Светает, – заметил Свинчатка.

– До чего же холодно, даже задница мерзнет! – пожаловался Шрайк. – Убил бы сейчас кого-нибудь за суконную подкладку...

В этот момент по мостовой застучали копыта, воры прислушались. Судя по шуму, лошадей было десятка два.

– А вдруг гвардейцы? – тонким от страха голосом спросил Рыпа.

Образ новой, пахнувшей сосной виселицы замаячил перед глазами каждого из воров.

– Откуда им здесь быть? Это Фраю лошадок ведут, – справившись со страхом, пояснил Красавчик.

Он оказался прав: из ворот выехали двое дюжих бородачей на ломовых лошадках, с огромными дубинами, лежащими поперек седел. За ними, привязанные один за другого, шли оседланные мардиганцы. За строевыми лошадьми ехало еще семь всадников на простых лошадках, и у всех, кроме одного, были тесаные дубины с устрашающе торчавшими из них шляпками кованых гвоздей. Замыкающими в колонне ехали две телеги с поклажей.

– От войско-то, а? – покачал головой Бубон. – На кого они с такими корягами собрались?

– На нас, – усмехнулся Свинчатка и, поймав на себе обеспокоенные взгляды, пояснил: – От конокрадов отбиваться, лошади-то цену немалую имеют.

Конная стража с подводами остановилась на противоположной обочине дороги. От нее отделился самый главный – по виду купец и, подъехав к ворам, строго спросил:

– А вы чего тут?

Воры растерялись. С одной стороны, ничего предосудительного, не считая похищения своих коллег, они не сделали, а с другой – всегда были готовы к любым обвинениям.

– Мы тут по делу, – нашелся Красавчик и выступил вперед. – Мы на работу нанялись.

– Вы не господина ли Фрая люди будете?

– Его самого! – ответил за Красавчика Свинчатка.

– Ну хорошо, – буркнул незнакомец и отъехал.

Стало тихо, но ненадолго: с дороги послышался скрип колес, и из стелющегося над землей тумана показались две раскачивающиеся бычьи туши. Быки волокли тяжелую ломовую телегу с грузом пиленых каменных блоков.

– Зарезать бы такого быка, – вздохнул Бубон. – Нам бы на месяц хватило.

– А господин Фрай нас с Красавчиком свиной жареной угощал, – с блаженной улыбкой вспомнил Свинчатка.

– Во! А нам чего не принесли?

– Он в заведении угощал, – важно сообщил Красавчик. – И херес наливал в стаканы прозрачные.

– В стекло? – уточнил Бубон.

– А то. Представь, что при таком раскладе мы бы стали по карманам мясо рассовывать – что бы он подумал о нас как о ворах?

Бубон согласился, воровской этикет следовало соблюдать.

Тяжело сопя, быки проследовали мимо, положив на ходу несколько жидких лепешек.

– Давай, Бубон, нажрись, пока горячее! – подтолкнул голодного товарища Рыпа.

– Да пошел ты... – обиженно проворчал тот.

Шрайк и Слизень засмеялись.

– Вон он! – сказал Свинчатка, распрямляясь и указывая в полумрак рукой.

– Ничего там нет – быки только, – возразил Красавчик. – А нет, точно! Лошадь навьюченная!

По обочине дороги, объезжая телегу с камнем, ехал всадник на мардиганце, к его седлу были приторочены немалые узлы и какой-то короб. Рядом с всадником трусил пеший с перекинутой через плечо сумой.

– Кто это с ним? – спросил Слизень.

– Попрошайка, я его несколько раз на площади видел, – ответил Свинчатка.

– Барахлишко-то у него новое и сапоги, – заметил Рыпа.

– Это он у господина Фрая уже выслужил, – с готовностью пояснил Свинчатка. – Мне тоже штаны новые обещали.

– Та-ак, барахло с попрошайки снимаю я, – заявил Рыпа.

– А задницу не натрешь? – тут же вмешался Шрайк. – Мне оно в самую пору.

Рыпа оскалился и сунул руку под куртку, Шрайк повторил его движение.

– Ну-ка остыли – оба! – приказал Красавчик. – Не время сейчас, позже полагается.

Воры подчинились, Красавчик требовал беспрекословного повиновения.

– Ишь, шляпа какая, и при мече, – комментировал Бубон вид работодателя. – Как дворянин какой.

– Да уж. – Рыпа зло шмыгнул носом. – Важный, на деньгах сидит.

26

Фрай заметил коннозаводчика, поздоровался с ним, затем сошел на землю и, оставив лошадь попрошайке, двинулся вдоль ряда мардиганцев, осматривая каждого, проверяя седла и седельные сумки.

Воры внимательно следили за ним, они привыкли оценивать жертву по виду – как одет, где кошелек носит, силен ли в ногах, чтобы догонять, большие ли кулаки – чтобы отбиваться. Большой силы в «купчике» не было, однако его подвижность и уверенность, а также сидевшие как влитые доспехи и меч на поясе заставляли задуматься.

– Все одно подколю... Как свинью... – прогундосил Рыпа.

Закончив прием лошадей и поклажи на подводах, Фрай отпустил заводчика, лишь попросил дать в дорогу дубину. Один из бородачей подал ему свою, Фрай взвесил ее на руке и бросил на телегу.

– Зачем ему дубина? – удивился Слизень.

Фрай направился через дорогу к ворами, и они невольно заволновались, словно солдаты перед военным смотром – стали одергивать одежду, поправлять головные уборы.

– Здорово, ребята!

Настроение у нанимателя было бодрое.

– Здравствуй, господин Фрай! – громче всех крикнул Свинчатка.

– Здорово, Фрай, – после всех ответил Красавчик, чтобы продемонстрировать свою независимость. – Аванс привез?

– Привез, как отъедем на пять миль – получите свое серебро.

– А почему не сейчас, купчик? – спросил Рыпа, зло уставившись на Каспара.

– Потому, что я тебе не доверяю, дружок, – в тон ему ответил Фрай и тут заметил лежавших кулями связанных людей.

– А это что за трофеи?

– Это наши товарищи, – немного смущаясь, пояснил Красавчик. – Ребята выпили лишнего, и, чтобы не буянили, мы их малость спеленали. Как проветрятся – развяжем.

– Брешет он все, ваша милость! Бабушкин звон все это, прикажи развязать нас, ваша милость, мы не хотим ехать!

– Ты, стало быть, Бабушкин Звон будешь? – улыбнулся Каспар. – А второй – это Котлета?

– Мы самые, ваша милость, вели Красавчику развязать нас, мы не хотим ехать!

– Я бы и рад развязать вас, да только не имею на это власти, возле города над вами Красавчик командует, я ведь вам даже аванса еще не заплатил, а вот отъедем на пять миль, заплачу серебро, тогда и командовать вами буду.

Красавчик с облегчением вздохнул, он боялся, что Фрай потребует оставить этих двоих и тем самым сократит командирские выплаты для главного вора.

– Тащите их на телегу, – сказал Каспар и пошел к лошадям. Шесты с привязанными пленникам подняли и понесли через дорогу. Из-за горизонта показался край солнца, лошади востепенулись и стали бить копытами.

Каспар подошел к мардиганцам, потрепал одного по шее и, повернувшись к ворами, спросил:

– Кто из вас ездит верхом?

– Все понемногу, – пожал плечами Красавчик.

– Я, бывалочи, любил в молодости, – пробасил Бубон, сбрасывая на телегу Бабушкина Звона. Тот выругался, ломовая лошадка дернула, но Бубон схватился за вожжи и вовремя ее придержал.

– Тогда так спрощу – кто хуже всех держится в седле?

– Я на телегу хочу, купчик, – подал голос Шрайк. – У меня в седле задница мерзнет.

– Хорошо, поедешь на первой телеге. Кто на вторую?

– Я бы хотел... – вставая возле Каспара, прошептал Лакоб.

– Нет, – так же тихо ответил Каспар. – Ты мне в седле нужен – с дубиной...

– Ну тогда я, что ли, – оглядываясь на товарищей, предложил Слизень. Он уже приметил на телегах много всякого добра и надеялся им поживиться.

– Забирайся. Теперь ты. – Каспар указал на Бубона. – Разрезай бечевку на мешках с солониной и в каждую суму клади по большому куску.

– Солонина? – обрадовался тот. – Конины небось?

– Обижаешь, дружок, свинина.

– А ты, – Каспар ткнул пальцем в Рыпу, – доставай вот из этих узлов черствые хлеба и рассывай с другой стороны седел, в карманы сумок.

Рыпа сделал вид, что не расслышал, но, наткнувшись на полный ярости взгляд Красавчика, тотчас принялся за работу.

– А чего тут у нас? Барахлишко? Это я возьму! – радостно залопотал Слизень и начал быстро, словно крыса лапами, копать грязными руками в вещах.

– Ну-ка сядь на козлы и притихни, – одернул его Каспар.

– Ага, прямо сейчас, – ухмыльнулся тот, вытягивая из узла новую рубаху. – О, на червивку сменяю!

Каспар оглянулся на Красавчика и заметил на его лице самодовольную улыбку, тот намеренно хотел указать работодателю его место.

– Или ты возьмешь их в узду, или не получишь серебра, – сказал Фрай.

– Слизень! – рявкнул Красавчик, и этого хватило, чтобы бандит, недовольно бурча под нос, успокоился.

– Тебя как кличут, большой? – спросил Каспар у рослого вора.

– Бубоном.

– Как тронемся, получишь фунт солонины – большие едят много.

– Нет, купчик, я сожру столько, сколько сам захочу, – ухмыльнулся Бубон, похлопывая по нагруженной до предела седельной сумке, куда он положил побольше свинины и хлебов.

– Ну-ну, – кивнул Каспар и стал помогать Лакобу пристраивать на одну из телег узлы со своими доспехами, оружием и короб со стреляльной машинкой.

27

Когда все припасы были разложены по седельным сумкам, а две свободные лошади привязаны к телеге, колонна тронулась в путь. Красавчик занял почетное место в ее главе, за ним ехали четверо его приятелей – они сносно держались в седле, и Каспар надеялся, что боль, появляющаяся у новичков после двух дней верховой езды, не заставит их поднять бунт и отказаться от похода.

Следом за конными ехал на подводе Слижень. Он косился на Каспара, но не прекращал потрошить содержимое мешков и узлов, выискивая самое ценное.

Шрайк вел себя иначе, он то и дело поднимался с козел и проверял, не подсунули ему под зад камешков или колючек. В конце концов его беспокойство стало передаваться запряженной в телегу лошади, она начала забирать вправо и визгливо ржала, словно почуяв хищника. Ей вторили шедшие за телегой мардиганцы.

– Ты чего ерзаешь? – подъехав ближе, спросил Каспар.

– Да муравьи в задницу жалют! – пожаловался Шрайк. – Убил бы всех, такие твари... Может, они с Котлеты сюда напоззли? – Шрайк ткнул связанного кнутовищем: – Эй, ты, помойка, не от тебя ли муравьи ползут?

– Да пошел ты, придурок! Развяжи меня, развяжи, я домой убегу!

– Оставь его в покое, – сказал Каспар. – На стоянке получишь новые штаны, они избавляют от муравьев.

– Правда? – не поверил вор.

– Конечно. Странно, что ты не знаешь.

Шрайк заметно успокоился, солнце стало пригревать, и в воздухе запели поздние слепни. Каспара догнал Лакоб, судя по тому, как он болтался в седле, последняя его верховая практика была давно.

– Слышь, ваша милость, может, вернемся, пока не поздно?

– А чего так?

– Черные это люди-то, погубят они нас.

– Эх, дружок, настоящих черных ты еще не видел.

– Ну посмотри, этот Бубон жрет второй кусок, экая прорва! Он нас за два дня на сухомятку переведет!

– Пусть жрет, скоро подавится.

– А этот... – до телеги было близко, и Лакоб только кивнул на Слижня, – все тряпки перебрал, без драки не отдаст – что делать будешь?

– Не переживай, тут скоро за хутором справа полянка будет, сделаем там привал, и я этих ребят немного поучу. – Каспар красноречиво похлопал ладонью по рукояти меча.

– В канаву, да? – обрадовался Лакоб.

– Да что ж ты за человек такой, то на обочине рассчитать, то в канаву. Послушаешь тебя, так ты самый страшный убивец в герцогстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.